

ПЕРЕДОВАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ОРДЕНОНОСНОЙ ТАТАРИИ

Составитель
А. ХАСАНОВА

ТАТГОСИЗДАТ
СЕКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
КАЗАНЬ 1940

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Предлагаемый вниманию читателей сборник „Передовая интеллигенция орденоносной Татарии“ состоит из тринадцати биографических очерков. Можно было бы рассказать о многих десятках и сотнях других представителей самой передовой в мире, советской интеллигенции и полнее показать жизнь и творческий труд каждого из них. Но сжатые рамки сборника и ограниченные сроки его составления (сборник был приурочен к 20-летию ТАССР) не дали этой возможности.

Но, несмотря на это, в сборнике показан рост новой советской интеллигенции Татарии. К. Галимов — доктор физико-математических наук, Х. Хабибуллин — директор Тат.-Баганинской неполной средней школы, С. Сайдашев — композитор, Л. Захаров — профессор Казанского химико-технологического института имени С. М. Кирова, М. Ахметкина — зоотехник Муслумовского района, К. Иоффе — директор завода им. Ленина, А. Измайлова — народная артистка Татарской АССР, Г. Манеев — агроном Калининского района, Л. Рахлин — профессор Казанского государственного института усовершенствования врачей, Тази Гиззат (Т. К. Гиззатов) — драматург, Ф. Валидова — ассистент Казанского химико-технологического института им. С. М. Кирова, Х. Абжалилов — заслуженный артист Татарской АССР и М. Гаркави — инженер завода СК-4 им. С. М. Кирова — вот те люди, о которых написаны очерки. Многие из них отмечены высокими наградами — орденами и медалями Советского Союза, медалями Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, почетными грамотами Президиума Верховного Совета ТАССР.

Город Казань — столица Татарии — по праву считается кузницей кадров. Одних высших учебных заведений в ней насчитывается четырнадцать, в том числе такие старейшие вузы, как Государственный университет им. В. И. Ленина, Медицинский и Ветеринарный

институты. Количество интеллигенции в Татарии растет с каждым годом. Растут, в частности, ее национальные кадры. Трудолюбивый татарский народ выдвинул из своей среды тысячи прекрасных, способнейших руководителей, командиров социалистического строительства и талантливых деятелей культурного фронта. При самодержавии за 115 лет существования Казанского университета в нем получили образование только 6 татар. А за годы советской власти высшее образование получили тысячи. По данным переписи 1939 года, в числе научных работников, профессоров, преподавателей вузов было 229 татар, инженеров, архитекторов, конструкторов — 361, агрономов — 490, писателей, журналистов, редакторов — 392, учителей начальных и средних учебных заведений и курсов — 10.607.

Нашу интеллигенцию составляют в основном рабочие, крестьяне и сыновья рабочих и крестьян. Это — новая трудовая интеллигенция, подобной которой нет ни в одной стране мира. Она всеми своими корнями связана с народом и служит народу; „... она вместе с рабочими и крестьянами, в одной упряжке с ними, ведет стройку нового бесклассового социалистического общества“ (И. Сталин). В очерках показано, как интеллигенция республики, вместе со всеми трудящимися, под знаменем партии Ленина — Сталина трудится на благо родины.

„...Народилась и сложилась у нас многочисленная новая, советская интеллигенция, вышедшая из рядов рабочего класса, крестьянства, советских служащих, плоть от плоти и кровь от крови нашего народа, — интеллигенция, не знающая ярма эксплуатации, ненавидящая эксплуататоров и готовая служить народам СССР верой и правдой.“

И. Сталин.

ДОКТОР НАУК.

Лучшие, передовые люди человечества всегда страстно мечтали о будущем, о времени, когда народы найдут свое счастье. Ученый монах Томазо Кампанелла мечтал о «государстве солнца». Томас Мор — о красивой и спокойной стране «Утопии», где общественное производство должно быть организовано на началах равенства, без частной собственности, где «истинную славу и красу государства» должна составить общность жизни. Француз Фурье несовершенство общественной жизни хотел устранить путем организации своеобразных коммун—фаланстер; жизнь в фаланстерах, по его мнению, должна быть гармоничной и совершенной. О новой, счастливой жизни мечтали великие писатели, поэты, мыслители, революционеры и публицисты России — Пушкин, Некрасов, Чернышевский, Добролюбов, Глеб Успенский. Эти люди, гиганты мысли и чувств, воплотившие в себе лучшие качества великого русского народа, были полны горячей веры в грядущее оздоровление и возрождение человечества.

Мечты! С мечтой о свободе и равенстве шли в бой с царским самодержавием Степан Разин, Емельян Пугачев, Иван Болотников, декабристы, революционеры прошлого столетия.

Но долго (века!) прекрасные человеческие устремления не воплощались в жизнь. На кострах и в застенках гибли те, чей пытливый ум старался найти выход к солнечной жизни, кто пытался заново, как нужно для миллионов людей, переделать старый мир.

И только большевики — представители самого передового и революционного учения — осуществили заветные мечты о торжестве труда, о счастливой жизни. Над нашей страной — первой в мире — взвилось знамя коммунизма.

* * *

Когда Курбану было лет пять, он мечтал о немногом — о хорошей ситцевой рубашке, какие носили сыновья сельских богачей, о красивой тюбетейке. Когда исполнилось девять лет, стал мечтать о грамоте. Иногда говорил отцу:

— Научусь читать и писать — будем жить не хуже муллы.

Отец его — Закир Галимов — знал, что в жизни для бедняка один удел — нищета, бесправие. Сердце его кипело болью, безысходной тоской дышали его слова:

— Ох, Курбан, где нам...

В глазах мальчика сверкали слезы.

— Хотя, — сказал однажды Закир, — давай, сынок, попробуем. Я поговорю с муллой.

И вот Курбан в медресе. Потянулись тягучие, нудные дни зубрежки корана. Нередко случалось, что Курбан, убаюканный монотонной речью муллы, засыпал на уроке, и тогда строгий учитель бил по голове линейкой...

Чему еще учил мулла детей? Он учил их почитать слугителей Аллаха, уважать начальство, безропотно сносить все удары судьбы. Мулла опутывал юные умы детворы своей «наукой», как паутиной. Меньше всего он стремился сделать их умными, — зачем это нужно было? Татарский народный поэт Абдулла Тукай писал о том времени:

Мудрым станешь—вместо счастья
будешь ты подавлен злом;
счастлив будешь, если станешь
и невеждой, и ослом.

... Однажды в дер. Сасмак (Вятско-Полянский район, Кировской области) пришел отряд Красной Армии. Ма-

ленький Курбан не разбирался, конечно, в политике, в событиях, но понял: люди в серых шинелях и шлемах с красной звездой принесли с собой новую жизнь—жизнь, о которой часто и вдохновенно мечтал отец. Курбан с радостью и надеждой смотрел на отца, а тот, казалось, стал вдруг молодеть.

— Заживем теперь! — говорил отец и глаза его искрились.

В эти дни Курбан не отставал от отца. Он любил ходить с ним на сельские собрания и без усталости слушал его речи — не совсем понятные, но всегда вызывавшие прилив горячей энергии, поднимавшие все новые и новые мечты.

Красноармейцы помогли сасмакским беднякам организовать комитет бедноты. Председателем комитета выдвинули Закира Галимова. Он отказывался:

— Как я буду решать общественные дела? Ведь я неграмотный!

— Ничего! Сын поможет...

То были суровые, тяжелые дни для молодой советской республики. Кругом наседали враг — полчища Колчака, Деникина, Врангеля; неистовствовало кулачество; страну душили голод, разруха... Судьбу пролетарской революции, дальнейшие ее победы решал тогда хлеб. Была объявлена продовольственная разверстка.

Вот какую картину можно было часто наблюдать тогда в дер. Сасмак. Во двор кулака входит окруженный членами комбеда Закир Галимов; позади идет, кутаясь в рваный зипун, Курбан. На лице мальчика угрюмая сосредоточенность, сознание важности выполняемого дела. Как же! Курбан — единственный грамотей в этой группе людей, он — секретарь комбеда!

Крепко запомнил Курбан эти дни «секретарской» деятельности, дни разнообразных забот и тревог. Не раз случалось, что разъяренные кулаки грозили Галимовым смертью, не раз подстерегали их ночами, желая отомстить за все, что теряли и должны были потерять в начавшейся ожесточенной борьбе...

Гражданская война закончилась. Освобожденный народ победил. В стране развернулся мирный созидательный труд. В Сасмаке открылась начальная школа. Первым учеником поступил в нее Курбан. Это была настоящая

народная школа, в которой дети тружеников земли знакомились с основами подлинных наук.

Из сельской школы Курбан вышел с твердым желанием продолжать учение. Отец поддержал:

— Теперь только и учиться! Теперь, сынок, открыты все пути-дороги...

Вскоре Курбан приехал в Малмыж.

Учеба в педагогическом техникуме открыла перед Курбаном новые горизонты — широкие и красивые, как сама жизнь. В книгах Ленина, Сталина, Пушкина, Толстого, Лермонтова и других он нашел тысячи незнакомых ранее образов, сотни неизвестных идей! Курбан узнал из них много нового о том, как сотни лет назад передовые люди боролись, проливали свою кровь за свободу, за счастье трудового народа. Узнал, что истинная наука, хотя и трудно, но дается людям, которые жаждут ее, которые во имя ее не жалеют ни сил своих, ни самой жизни. Как живые, вставали в воображении Курбана прекрасные образы пламенных знаменосцев культуры и прогресса — Галилея, Кампанеллы, Бруно, Ломоносова, Тимирязева... Эти люди, их жизнь и деятельность показывали пример гражданской доблести и мужества, звали на борьбу.

Но вот техникум окончен, можно идти учиться дальше (этот вопрос Курбан решил давно), но тут началась коллективизация. Разве сын бедняка, комсомолец Курбан Галимов мог остаться в стороне от борьбы за переустройство деревни? Он пришел в райком комсомола.

— Хочу работать в деревне...

... Глухая чувашская деревня Шихарданы. Школа. Курбан Галимов — преподаватель математики. Еще не было навыка, надо было быстро, на ходу овладеть педагогическим искусством, привить ребятам любовь к математике. И он добился этого. Уже через месяц — два успеваемость учащихся по математике заметно улучшилась. Молодой учитель сумел эту «сухую» дисциплину сделать увлекательной, свои уроки — живыми, доходчивыми до сознания ребят.

Однако, стены школы не отгораживали от Галимова окружающего мира. Он находил время и для активной общественной работы. Каждый вечер он приходил в сельский совет и целые часы просиживал здесь, беседуя с крестьянами. Видел Курбан: деревня разбилась на два лагеря; по одну сторону стояли бедняки и середняки,

готовые пойти по новому, артельному пути, по другую сторону — кулаки, их агентура, враги советской власти и колхозного строя. Курбан Галимов повел большую агитационную работу; все свои силы он отдал на то, чтобы двинуть трудовых крестьян по артельному пути. Вскоре в Шихарданах организовался колхоз. В первые дни становления колхоза Курбану Галимову пришлось работать не покладая рук. Всю весну и лето он в бригадах проводил читки газет, выпускал стенные газеты, проводил различные беседы... Эта практическая работа по укреплению колхоза очень сильно обогатила Курбана Галимова знаниями классовой борьбы, знаниями жизни, дум и чаяний народа.

1930 год. Казань. Курбан Галимов приехал учиться в Государственном университете, носящем имя величайшего стратега пролетарской революции, любимого вождя трудящихся всего мира — имени Ленина. С глубоким волнением входил Курбан первый раз под своды старинного величественного здания — «храма науки». Невольно вспомнил он тогда гениального соотечественника М. В. Ломоносова, описывавшего условия, в которых ему пришлось учиться: «Нельзя было иметь на пропитание в день больше как на денежку хлеба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другие нужды». Вспомнились и «Мои университеты» М. Горького. Как изменилось время! До революции он, Курбан, как и Алеша Пешков, не мог бы и мечтать о высшей школе, а теперь советское государство широко открыло перед ним двери университета, создало все условия для овладения науками.

...Новые впечатления, новые товарищи. Большинство студентов, как и Курбан, происходило из семей рабочих и крестьян. Все они пришли в высокие и светлые аудитории университета для того, чтобы дружно, горячо атаковать крепость, имя которой — наука.

Упорство и настойчивость — качества, которые уже развил в себе Курбан Галимов в педагогическом техникуме и в живой жизни, — помогли ему и в университете занять ведущее место среди студентов физико-математического факультета. Курбан умел беречь время, рационально использовать его, умел широко сочетать плодотворную учебу с активной общественной работой в комсомольской организации, в различных студенческих кружках.

Прошли годы упорной учебы. Заканчивая университет, Галимов блестяще защитил дипломную работу «Теория упругости». Она, как выдающаяся, была напечатана в «Ученых записках» университета. Такой чести удостоивались немногие студенты-выпускники. Профессор Николай Николаевич Парфентьев обратил внимание на подающего надежды выпускника, посоветовал ему:

— Оставайтесь в аспирантуре.

С 1935 года Курбан Галимов—аспирант при кафедре механики. Началась напряженная научная деятельность. Дни были загружены работой до отказа. Но и в этих условиях Галимов находил время для изучения немецкого и французского языков, для выполнения комсомольских и профсоюзных поручений.

Прошло три года. По предложению проф. Парфентьева, Курбан Галимов начал работать над диссертацией. Его давно интересовала новая, еще неразработанная в механике, теория пластичности. В жизни мы часто сталкиваемся с явлением, которое наука называет пластической деформацией,—оно наблюдается при холодной обработке металла, при возведении построек и т. д. Какие физические законы порождают деформацию? Этим вопросом занимались десятки ученых всего мира, но до конца не решили, а решение его принесло бы огромную практическую пользу для всего народного хозяйства.

За решение этой теории и взялся Курбан Галимов. Весной 1939 г. он представил Ученому Совету университета диссертацию «Плоская задача современной теории пластичности» на соискание степени кандидата наук. В этой работе Курбан Галимов глубоко и детально исследовал уравнения плоской задачи теории пластичности, когда «максимальное» касательное напряжение является любой функцией от среднего гидростатического давления. Диссертация получила прекрасные отзывы ученых рецензентов. По их мнению, «некоторые, ранее полученные видными учеными результаты являются частными случаями результатов Галимова полученных новым общим методом». Галимов разрешил важнейшую проблему в механике, его труд явился ценнейшим вкладом в теорию пластичности.

Ученый Совет Казанского государственного университета присудил Курбану Галимову ученую степень доктора физико-математических наук. Это было большой

победой молодого ученого,—он получил высокое звание доктора наук без прохождения кандидатской практики.

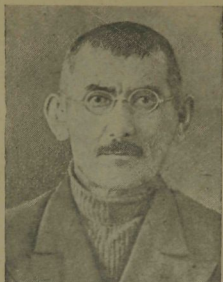
Не отгораживаться от народа, а самоотверженно служить ему, смело ломать старые традиции, если они отжили,—вот какому большевистскому правилу следует Галимов в своей жизни.

В напряженнейшие дни работы над диссертацией Курбан Галимов не отрывался от общественной работы. Он был застрельщиком социалистического соревнования среди научных работников университета, во время выборов в Верховные Советы РСФСР и ТАССР работал агитатором на избирательном участке. Все свои знания, всю свою неиссякаемую энергию комсомольца-агитатора и пропагандиста отдавал он партии и народу.

В декабре 1939 года Курбан Галимов был избран депутатом Казанского Городского Совета депутатов трудящихся. Голосуя за него, избиратели округа—профессора, студенты, рабочие, служащие — голосовали за счастливую советскую молодежь, за Конституцию победившего социализма, за науку, за Сталина.

... Апрель. Раннее утро. Доктор физико-математических наук Курбан Галимов уже давно встал. Сегодня — день отдыха, и ему предстоит написать доклад о... работе артелей промысловой кооперации. Что общего между миром сложных математических формул и несложной продукцией артели «Конфексион»? Много общего. Разрешая новые теории в механике, ученый Галимов двигает вперед советскую науку. Обследуя кустарные артели, депутат Городского Совета Галимов помогает борьбе за выполнение плана Третьей Сталинской Пятилетки. В нашей стране все дела важны и имеют много общего, если они проводятся с единой целью—приблизить страну к коммунизму. Это прекрасно понимает Курбан Галимов—талантливый ученый, верный сын народа, патриот социалистической родины.

Ст. Савосин.

МАСТЕР ПЕДА- ГОГИЧЕСКОГО ТРУДА.

1

Звонок возвестил о начале уроков. Сразу смолкли детские голоса. Залитый весенним солнцем зал быстро опустел. Из учительской, держа подмышкой классный журнал, вышел пожилой человек, одетый в черный костюм. Поправив роговые очки, он вытер шелковым платком вспотевший лоб, взглянул на часы, висевшие на стене.

— Отстают, апа, на три минуты, — заметил он сторожике.

— Переведу, Халиулла Хабибуллович.

Директор вошел в VII класс, неторопливым шагом направился к кафедре:

— Здравствуйте, ребята!

Дети приветствовали его стоя.

— Садитесь.

Воцарилась тишина.

— Наше сегодняшнее занятие будет посвящено Средиземному морю, — начал Халиулла Хабибуллович. — Скажи нам, Рабига Сунгатуллина, что знаешь ты об этом водном бассейне?

Рабига встряхнула черными, словно смоль, волосами, направилась к классной доске. Взяв указку, она повела ею по карте и уверенно заговорила:

— Средиземное море омывает юг Европы. Местами глубина его достигает четырех тысяч метров. Вода в море никогда не замерзает...

Рабига толково, обстоятельно рассказала о Средиземном море. Халиулла Хабибуллович задал вопрос: через какие проливы оно соединяется с океанами? И на этот вопрос Рабига ответила точно.

— Отлично, Рабига,—похвалил педагог.—Садись.

После этого Халиулла Хабибуллович сам начал говорить о значении Средиземного моря для народов, населяющих Европу, Азию и Африку. Учащиеся взялись за карандаши, стали делать записи в рабочие тетради. География вообще увлекательный предмет. Но когда урок ведет Халиулла Хабибуллович, когда географию тесно переплетают с историей и политикой, учащиеся слушают, боясь проронить слово.

Халиулла Хабибуллович начал с небольшого экскурса в историю средних веков. Напомнил об Англии, этом морском разбойнике, огнем и мечом покорявшем народы всех частей мира, потом рассказал о стратегическом значении Средиземного моря, о борьбе за него капиталистических государств.

Закончив лекцию, Халиулла Хабибуллович раскрыл классный журнал. Пробежал глазами список...

— Рашит Хасанов! Расскажи нам о Турции...

Вопрос педагога застал Рашита врасплох. Шустрый мальчуган с бойкими карими глазами поднялся и сказал:

— Я хотел задать один вопрос. Можно?

— Можно.

— Если начнется война, может Турция пропустить наш флот в Средиземное море?

Подробно ответив ученику, педагог напомнил:

— Так что же ты нам расскажешь о Турции?

Рашит начал с географического положения Турции. Затем перешел к описанию истории страны, ее войн, образцов правления, природных богатств, населения.

Сделав пометку в журнале, педагог обратился к Хаю Валееву.

— Какие морские военные базы расположены на африканском побережье Средиземного моря?

Хай уверенно повел указкой по карте.

— Италия имеет военные базы в Триполи и Тобруке, Англия—в Оране, Алжире, Бизерте, Александрии.

— Так. Садись. А кто из вас вспомнит и расскажет о том, почему Средиземное море и сопредельные с ним Тирренское, Адриатическое, Ионическое и другие моря не замерзают зимой?

Ответить вызвалась Рахима Сафиуллина. Кусочком мела на доске она сделала схематический набросок обмена водами между Атлантическим океаном и Средиземным морем через Гибралтарский пролив.

— Гибралтарский пролив по сравнению с океаном и морем мелок, глубина его—пятьсот метров. Холодная океанская вода поэтому не имеет доступа в море.

— Но только ли в этом дело, Рахима?

Ученица стала рассказывать о делении земли на географические пояса, о теплом течении Гольфстрем. Закончить Рахиме не удалось. Звонок оборвал ее мысль. Халиулла Хабибуллович объявил:

— В пятницу мы продолжим нашу беседу о Средиземном море. К этому времени почитайте еще об Англии, Италии, Турции, Болгарии, Греции...

... Большая перемена. Пришкольную площадку вмиг заполнила детвора. Больше трехсот учеников в школе, — все они вышли играть. Задорный ребячий смех, шутки. Начались любимые игры.

Директор Халиулла Хабибуллович тоже на площадке. Ему уже пятьдесят лет, но он большой любитель спорта, игр. Он кричит:

— Кто со мной в городки? Подходи сюда!

— Давайте лучше в лапту играть!

— Городки лучше лапты,—возражает директор.

Любители-гороδοшники, во главе с директором, уходят в сторону от спортплощадки. Минутой позже уже раздаются восторженные крики:

— Ловко! Пять штук сбил!

Незаметно летит время. Звенит колокольчик, и возбужденная, радостная детвора, окружая любимого директора и педагога, идет продолжать занятия...

II

Из школы директор Хабибуллин ушел последним, унося в набитом до отказа портфеле ученические работы, которые нужно было проверить.

Жена Магуфира встретила Халиулла Хабибулловича радостно.

— Получила письмо от Зайтуны.

— Правда? Ну, что пишет?

— Известно, рассказывает о своей любимой ветеринарии... Сколько раз я тебе, Халил, говорила: не надо бы Зайтуне ехать в Ветеринарный институт. Женское ли дело возиться с лошадьми?

— Эге, ты снова об этом? По-твоему, не белоручка ли наша дочь?

Читая письмо, он радостно восклицал:

— Отлично! Прекрасно!

И, обращаясь к жене, заметил:

— Дорогая воркунья, радуйся успехам Зайтуны. Видишь, как она учится. У нее большая перспектива, я знаю...

Отдохнув немного после обеда, Халиулла Хабибулович продолжал свой рабочий день. Только послеобеденная работа—совсем другого характера. Отправился к плотнику Махмутову. Плотник встретил приветливо.

— Сюда, к столу! Свежих сливок не хотите ли?

— Спасибо, Валиахмет. Я спешу. К тебе по делу. Как Гайниязмал поживает?

— А что ей сделается? В огороде работает.

— В огороде...—директор помедлил.—А не думал ли ты, Валиахмет, послать ее на тракторные курсы?

— Нет, не думал. Да сумеет ли девчонка управлять машиной?

— О Паше Ангелиной слышал? А о Полине Осипенко?

— Слышать, конечно, слышал...

— Не забудь, Валиахмет и о другом,—продолжал педагог.—Помнишь, в прошлый раз мы говорили о войне? Войны мы не хотим. А вдруг да придется воевать? Парни уйдут на фронт, а кто...

— От молодых и я не отстану...

— Ну, вот. Кто же, спрашивается, поведет тогда наши сложные машины? Женщины, девушки в любую минуту должны быть готовы сменить своих братьев и мужей на этих машинах.

— Согласится ли дочь?—сказал плотник.

— Я с ней говорил. Ей хочется учиться. Говорит, что ты противишься. По правде говоря, я зашел к тебе поругаться, а ты сливками угощаешь.

Плотник засмеялся, махнул рукой.

— Ладно! Пусть учится!

Солнце падает за Каму. Пригнали стадо. Халиулла Хабибуллович отправился дальше—к пастуху Сираеву. Тот ужинал. Встретив гостя, заговорил первый:

— Жена сказывала уже! Ничего не получится. Не могу я Камиля ежедневно посылать в школу. Кто же тогда трудодни заработает семье?

— Отец, мать...

— А он с книжкой будет в холодке посиживать? Готовые пшеничные пироги кушать? Он помогает мне скот пасти.

— Опомнись, Фасах. Камиль должен учиться. Государство хочет, чтобы все дети учились. Читал ли ты закон об обязательном семилетнем образовании в деревне?

— Нет.

— Хочешь, прочитаю?

От пастуха Халиулла Хабибуллович ушел довольный своим успехом: Камиль завтра вернется в школу. Только прошел немного по вечерней улице, состоялась еще одна встреча. Остановил секретарь комсомольской организации школы.

— Мне нужно поговорить об организации пионерских лагерей.

Зашли в избу-читальню, там договорились о лагерях...

... Поздний вечер. Разложив на столе методические пособия, директор Хабибуллин стал составлять план уроков для V и VI классов. Потом просмотрел свежие газеты. Наконец, наметил рабочий план на завтра. В плане значилось:

1. Утренняя физкультурная зарядка.

2. До уроков написать план доклада на тему: «Война союзников против Германии». Договориться с Шамсутдиновым о дне и часе доклада.

3. Первые 2 часа быть на уроках.

4. Успеть к 12 часам дня в полевой стан второй полеводческой бригады колхоза. Провести там беседу о решении ЦК ВКП(б) и СНК СССР об изменениях в политике заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов.

5. Собрать редколлегию бригадной стенгазеты «Ударник». Просмотреть материал в очередной номер.

6. Перевести деньги в отделение Госиздата за книги.

7. В 6 часов открытое партийное собрание. Подготовить материал для выступления в прениях по докладу предколхоза о развитии общественного животноводства.

8. Закончить заключительную часть физико-экономического очерка «Англия», отослать его в заочный сектор пединститута.

9. Просмотреть ученические работы.

В заключение всего Хабибуллин достал коричневую тетрадь, раскрыл ее на 108 странице, сделал записи за истекший день. Этот дневник, вероятно,—богатая, интересная книга жизни. Может быть, Халиулла Хабибуллович когда-нибудь и согласится опубликовать его. Молодое поколение узнает тогда, сколько сил отдал воспитанию детей Халиулла Хабибуллович за тридцать два года педагогической деятельности, как он работал на благо любимой страны.

III.

...Отец Халиуллы Хабибулловича работал сторожем-дворником в медресе, что находилась на Захарьевской улице, около Кабана (в Казани). Рано утром к медресе съезжались дети казанских купцов и лавочников. Отец встречал их, распахивал настежь дверь, снимал шапку, кланялся в пояс. Отец работал целый день. В его обязанности входило: мыть полы, топить печи, подметать двор и улицу у медресе, ходить в лавку за керосином, заправлять лампы... А ночью отец ходил вокруг медресе, стучал колотушкой.

Так тянулись годы. Жизнь была полна страданий. В 1892 году отец ушел из Казани в д. Демьянкино (Вятской губернии). Но и здесь не нашел лучшей жизни. Отец батрачил у кулаков, мать делала коробки по заказу спичечной фабрики, а маленький Халил, держась за подол рваного платья старшей сестры Малики, ходил по деревне и вымаливал милостыню...

Спустя пять лет отец снова вернулся в Казань. Мулла Бурган Шигабутдинов, фактический хозяин медресе, после долгих уговоров согласился взять его на старую должность. Но выставил кабальные условия:

— Сынишка у тебя подрос, прислужничать станет при медресе...

Пришлось согласиться. Кое-как отцу удалось упросить муллу разрешить Халилу попутно учиться в медресе.

Халил был допущен в медресе условно. Днем он зубрил коран, а потом прислужничал купеческим сынкам, которые жили в общежитии при медресе. Не проходило

дня, чтоб над ним не издевались. То вымажут лицо сажей и изобьют, то заставят плясать, что категорически запрещалось уставом медресе. Бездельники, скуки ради, травили бедного мальчика.

— Где такому олуху коран изучать! — кричал один.

— Он для того учится, чтоб после попрошайничать лучше мог, — острил другой.

Трудно давалось учение Халилу. «Методика» преподавания у муллы была простая. Устроившись на своем месте, мулла простирает руки к потолку и заученным голосом произносит слова из священной книги. Ученики повторяли за муллой незнакомые арабские слова. Рассказав два—три стиха, мулла уходил. В классе оставался помощник муллы—хальфа. По три—четыре часа сряду, без отдыха, томились ученики, стараясь запомнить слова под диктовку хальфы. К концу дня возвращался мулла, спрашивал урок. Кто хорошо отвечал, тем разрешал удаляться. Кто отвечал плохо, тех бил. Этой участи не избежал и Халил. Зверски избитый муллой, он однажды пролежал три дня.

Так продолжалось до 1905 года. За восемь лет «учебы» в медресе Халил понял всю никчемность «религиозных наук». Он не получил никакой квалификации. Мулла из него не получился. Отец с досады бросил службу в медресе, перешел в типографию Харитонов. Халил поступил на мойку владельца суконной фабрики Акчурина. От восхода да захода солнца, не разгибая спины, мыл он на Кабане шерсть. Хозяин был жаден до денег, платил мало. Здесь, на мойке, Халил впервые узнал правду о жизни. Освободившись от религиозного дурмана, он стал запоем читать огненные стихи Абдуллы Тукая, пробуждавшие смелые мысли, светлые надежды...

Осенью того же года Халил пришел в деревню Татарская Багана, на родину своего отца. Халил знал коран, умел читать и писать по-арабски. Он мечтал стать учителем. В Татарской Багане школа содержалась за счет родителей. Во главе ее стоял учитель, он же—старший мулла села. Муллы (в деревне их было трое) воспротивились назначению Халила помощником учителя. Они не доверяли Халилу, не так давно собиравшему милостыни. К тому же до них дошел слух, будто Халил поддерживал связь с революционно-настроенной рабочей и учащейся молодежью Казани.

Работу Халил нашел в соседней деревне Акбулатово. Со всей страстью он взялся за обучение грамоте деревенских ребят. А в мае, с первым парходом, уехал в Нижний Новгород. Все лето работал на ярмарке, нанимался полomoем в трактир, разносил горячие булки, ночью подметал городские улицы. С последним парходом вернулся в Акбулатово. Проработал зиму в школе, а весной—снова на парход, в Нижний Новгород...

Учительская деятельность Халиуллы Хабибулловича продолжалась до 1914 года. Он работал в Ново-Адамово, в Нижней Майне. Зимой—он учитель, летом—чернорабочий на Нижегородской ярмарке.

Грянула империалистическая война. Халила мобилизовали в армию. Через полтора месяца он уже валялся в окопах на турецком фронте. Многие картины войны, особенно конца ее, навсегда остались в памяти Хабибуллина.

... Солдаты, под руководством большевиков, отказываются выступать против «иноверцев» (турок). Полк обезоружили. Приехал главнокомандующий Кавказским фронтом, генерал Юденич. Аресты. Расстрелы. Большевики создали полковой комитет. От третьей роты вошел в него рядовой солдат Хабибуллин.

Нет слов описать восторг солдат, когда совершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. 28 стрелковый полк 7 дивизии послал свою делегацию в Петроград. Офицеры стали разбегаться. Во главе частей встали командиры, избранные солдатами. В начале 1918 года получен приказ о демобилизации. Буржуазно-меньшевистское правительство, существовавшее в Тифлисе, не пропускало эшелоны 7 дивизии, направляющейся к Москве. Дивизия с боем пробила себе дорогу...

... Халиуллы Хабибуллин вернулся в Тат. Багану. Беднота и батраки встретили его восторженно. Вскоре он был избран председателем Муслумкинского волисполкома.

... На Поволжье надвигались несметные полчища Колчака, снаряженные англо-французской Антантой. Белобандиты рыскали в деревнях Чистопольского уезда, охотились за коммунистами и активистами. Хабибуллин ушел в подполье, прятался в лесу, болотах. А когда Красная Армия разгромила врага, он вновь с энтузиазмом взялся за любимое дело.

В 1924 году Хабибуллину удалось на средства насе-

ления выстроить новое здание школы. Муллы и кулаки всячески старались сорвать это дело. Халил собрал крестьян, рассказал им о пользе просвещения. Сход решил: — Отчислить с каждого привезенного с поля воза ржи, ячменя, пшеницы и овса — по пять снопов.

Было собрано шестьсот пудов зерна. На вырученные деньги сельсовет купил лесосеку. За лето крестьяне вырубili лес, приготовили все необходимые для строительства материалы. Через девять месяцев школа была готова.

Этот год памятен Хабибуллину еще и по другому событию: тогда он вступил в большевистскую партию.

Большая творческая работа Хабибуллина на ниве народного просвещения была оценена по заслугам. Районные организации послали большевика-педагога в село Каргали (Кзыл-Армейский район) заведывать школой-семилеткой.

В 1931 году Хабибуллина назначили заведующим районным отделом народного образования. Находясь на этом ответственном посту, он многое сделал за три года. Под его руководством в семнадцати селениях района были выстроены новые школы. За успехи, достигнутые на культурном фронте, правительство Татарской АССР наградило тогда Хабибуллина почетной грамотой.

Потом Х. Хабибуллин снова возвратился к педагогической деятельности и снова стал заведывать школой в Тат. Багане.

Работу Хабибуллина за последние 5 лет лучше всего характеризуют следующие итоги. Число учащихся в Тат. Баганской неполной средней школе выросло на 38 проц.; всеобщим семилетним обучением охвачены все дети школьного возраста. К XX годовщине Татарской АССР в деревне не останется ни одного неграмотного.

IV.

Школа неотделима от народа и его авангарда—коммунистической партии. Педагог—передовой человек деревни, у которого и взрослые и дети должны учиться жить культурно. Халиулла Хабибуллович знает, каким должен быть педагог, и предъявляет к себе высокие требования. Всем своим поведением он показывает детям, как нужно овладевать наукой и культурой, как нужно любить народ и страну, которая открывает перед всеми блистательные перспективы в жизни.

В отличие от некоторых старых педагогов Халиуллы Хабибуллович не скрывает «тайны» своего педагогического мастерства. Он всегда охотно делится своим богатым опытом, старается во всем помочь молодым педагогам. О их ошибках и промахах он говорит открыто. Вот почему заседания педагогического совета, устраиваемые дважды в месяц, носят характер методических совещаний, являются своего рода институтом по усовершенствованию знаний учителей школы.

У Халиуллы Хабибулловича—замечательные деловые взаимоотношения с коллегами. Он частенько присутствует на уроках своих товарищей. И они просто, как к старшему другу, заходят к директору. Всех объединяет одно—интересы школы.

Дружный коллектив педагогов образцово поставил работу в школе. В школе оборудованы химико-биологический и физико-математический кабинеты, имеются всевозможные пособия—карты, глобусы, атласы, есть хорошая библиотека. Жизнь в школе бьет ключом. Хорошо развита детская художественная самодеятельность. Ученический драмкружок, руководимый учительницей Фатхуллиной, часто выступает в колхозном клубе. Для школьников устраиваются специальные киносеансы. В школе работают различные кружки.

Начиная с 1929 года, Халиуллы Хабибуллович свою педагогическую деятельность сочетает с руководящей партийной работой. В Каргальях он был секретарем первичной парторганизации и членом волкома ВКП(б). Принимал горячее участие в создании колхоза им. «1 мая». Сейчас он заместитель секретаря первичной парторганизации колхоза имени Вахитова. В дни выборов в Верховные Советы, будучи доверенным лицом, он умело агитировал за кандидатов блока коммунистов и беспартийных. Во время выборов в местные советы возглавлял участковую избирательную комиссию. Большую агитационную работу он ведет в колхозе. Его доклады и лекции на общественно-политические темы всегда проходят с большим успехом. Колхозники любят Халиуллу Хабибулловича — верного носителя и проводника большевистской правды, передовой советской культуры.

...Таков облик мастера педагогического труда, большевика-общественника.

М. Спиридонов.

НАРОДНЫЙ ТАЛАНТ.

В 1900 году умер кучер Джамалетдин, а через две недели после смерти Джамалетдина жена его, Махбуб-Жамал, родила сына—Салиха.

— Отец твой был очень добрый, веселый, хорошо играл на гармошке,—говорила впоследствии Махбуб-Жамал сыну.

Каждой весной Салих ходил на окраину города, на берег озера. По озеру катались люди на лодках, пели песни, играли на гармошках. Домой Салих всегда возвращался печальный.

— Мама, купи мне гармонь. Мама, я хочу играть,—слезно умолял он.

И вскоре в маленьком доме вдовы Махбуб-Жамал стали раздаваться чудесные народные мелодии в исполнении маленького музыканта: слух у ребенка был необычайно тонкий.

На помощь пришел зять: Салиху купили рояль и его, способного мальчика, из религиозного медресе перевели в русский класс к учителю Хасану Еникееву.

Салиха тянуло к музыке. В нежных музыкальных звуках ему чудилась какая-то чарующая тайна. Он хотел проникнуть в эту тайну: каждый вечер ходил в кино «Свет»

слушать игру пианиста Яруллина, тайком от родных посещал музыкальную школу.

Одиннадцати лет Салих встретился с любимцем народа—поэтом Габдуллой Тукаем. Перед ним Салих исполнил на рояле народную мелодию «Зиляйлюк».

Прошли годы. И Великий Октябрь принес юному музыканту славу композитора. Он дал Салиху возможность овладеть высокой музыкальной культурой.

...Когда слушаешь изумительные по своей теплоте произведения заслуженного деятеля искусств композитора Салиха Сайдашева, невольно задаешь себе вопрос: откуда такая народность и человечность в его нежных звуках?

Недавно состоялся творческий вечер Сайдашева. Симфонический оркестр под управлением самого композитора исполнял его увертюры, марши и балеты. В зрительный зал лились, потрясающие сердца, звуки. Вздвигавшие слушателей требовали повторять многие номера и, несмотря на громоздкость программы, их повторяли. Обладающая приятным, чистым голосом заслуженная артистка Марьям Рахманкулова на этом вечере исполнила арию Магинур и песенку «Умя» из пьесы «Бишбуляк». Опять—повторить. Виртуоз на мандолине Исмагиль Гилялов сыграл «Марш пионеров», а скрипач Кудашев—«Бибисару». И опять потребовали повторить. Исполняя «Танец беглеца», вихрем влетел на сцену заслуженный артист Хафиз Шамсутдинов. И опять—повторить. Народная артистка Галия Кайбицкая, заслуженная артистка Сара Садыкова и артист Маннапов исполняли очень много номеров, а очарованные и возбужденные слушатели требовали еще и еще...

В чем секрет такой большой, неизмеримой любви у масс к произведениям Салиха Сайдашева?

Еще в детстве Салих встретился с Загидуллой Яруллиным, автором известного «Тукай марше». Добрый, отзывчивый композитор-самоучка познакомил Салиха с богатством народной музыки. Он внушил ему, что народ—единственный и неиссякаемый источник всего прекрасного. И с тех пор талантливый композитор Салих Сайдашев никогда не переставал и не перестает изучать богатый родник музыкальной красоты—народное творчество.

Музыка Сайдашева, всегда свежая и оригинальная,

глубоко народна. Его мелодии можно услышать всюду: и на полевых станах, и в рабочих клубах, и в красноармейских частях, и в школах и просто в узком семейном кругу.

Музыка Сайдашева известна далеко за пределами Татари. Наиболее выдающиеся произведения его исполнялись и исполняются лучшими квартетами и симфоническими оркестрами Союза. Отдельные мелодии его передаются через радиостанции Москвы и столиц братских республик. В 1934 году Сайдашев был несказанно обрадован, услышав исполнение своего марша на Красной площади во время парада Красной Армии.

...Когда слушаешь марши Салиха Сайдашева, забываешь, что сидишь в театре, чувствуешь себя в рядах бойцов, идущих на борьбу с врагом. Откуда у композитора такой бодрый ритм?

В 1919 году Салих Сайдашев пошел добровольцем в Красную Армию. Вместе с Первой армией он побывал на ряде фронтов. Здесь же он написал и первое свое произведение «Озын сафар» («Большой переход»). В Бухаре он чуть не погиб во время пожара: басмачи подожгли здание кино, и пианист Сайдашев спасся, прыгнув со второго этажа.

Героическая борьба Красной Армии за власть советов оказала большое влияние на творчество композитора. Сила и мощь славных бойцов нашли свое яркое выражение в его творчестве. Но не только марши, и все другие произведения Сайдашева звучат бодро и радостно.

Красная Армия любит своего бывшего бойца, ныне известного композитора. За огромную работу по музыкальному шефству над частями Красной Армии тов. Ворошилов наградил Сайдашева именными часами и почетной грамотой.

За двадцать лет Салих Сайдашев создал больше 400 произведений. Пишет Сайдашев легко. Пишет при людях. Недавно он сыграл нам у себя в кабинете отдельные арии из своей оперы «Наемщик» (по либретто Тази Гиззата). Захватывающая музыка! Красота в ней неотделима от художественной простоты и правды. Мы благодарили композитора за счастливые минуты, а он, как бы вслушиваясь в тайны звуков, продолжал перебирать клавиши фортепьяно. Трудно объяснить минуты вдохновения... Два—три аккорда—быстрее забегали пальцы композито-

ра, и через десять минут мы уже слушали новую, только-что созданную мелодию...

В своих замечательных произведениях Салих Сайдашев мастерски умеет передавать чувства новых людей. Произведения его дышат горячим патриотизмом. Как много света и красоты в «Песне героев»! Сколько радости и веселья в балете «Сабан туй». Как тепло и поэтично переданы утренние трели соловья в песенке «Соловей», как много человеческого в ариях Батыржана и Гюльюзем из оперы «Наемщик»!..

Многим обязано наше искусство Сайдашеву. Он является родоначальником татарской советской музыки, он дал целый ряд музыкальных драм, которые явились необходимой предпосылкой к созданию первых татарских опер.

Легко и приятно слушать творения настоящих художников, но писать о них трудно. А любимец советской Татарии композитор Салих Сайдашев является именно таким настоящим, подлинно народным художником.

А. Кутуй.

ПРОФЕССОР
Л. И. ЗАХАРОВ.

«Широко простирает химия руки свои
в дела человеческие...»

М. В. Ломоносов.

«Желание—это великая вещь... ибо за Желанием всегда следует Действие, и Труд, а Труд почти всегда сопровождается Успехом. Эти три вещи—Труд, Желание и Успех—наполняют всю человеческую жизнь. Желание открывает ворота блестящему и радостному Успеху; Труд проходит через эти ворота и в конце своего пути встречается с Успехом, который его венчает...»

Так поучительно писал Луи Пастер своим сестрам. Советский профессор химии Лев Иванович Захаров, возможно, не читал этого письма Пастера, но мысль, высказанная великим французским ученым, безусловно, не раз приходила ему в голову. Ведь труд, желание и успех наполняли всю его жизнь, весь его путь в науку.

Лев Иванович родился в 1901 году, на Украине, в посаде, расположенном среди густейших сосновых лесов, близ химического завода. Таких заводов в России было в то время очень мало.

Начало нынешнего столетия было крайне тяжелым. Человека за слово вольности, за свободолюбие ждала каторга, ссылка, даже казнь. Лучшие достижения научной мысли не находили применения у себя в стране и вынужденно «экспортировались» в Западную Европу и

Северную Америку. Химия — наука, имеющая огромное прикладное значение, — была в загоне. Русские химики трудились в крайне тяжелых условиях. Они в это время только-что «открыли» для науки великого химика и физика М. В. Ломоносова, чье имя до этого почти не упоминалось историками. Это «открытие» глубоко взволновало научные круги за границей; казалось, что «на берегах Ледовитого океана, подобно северному сиянию, (вновь — Н. Г.) блеснул Ломоносов *). Голландский физико-химик Коган восторженно писал вскоре: «Ныне мы все смотрим с удивлением на научные труды Ломоносова, так как они дают то, что Лавуазье дал через полстолетие, но они, несомненно, оказали бы свое влияние на ход развития физической химии и в других направлениях, если бы они... не оставались совершенно неизвестными».

Конец XIX и начало XX веков ознаменовались гигантским ростом химической промышленности, но она росла, главным образом, опять таки за границей, хотя в основе развития этой промышленности лежали исследования, сделанные русскими химиками.

Ясно, что в эти годы родители Льва Ивановича Захарова не могли и мечтать о том, что сын их станет химиком.

Населенный рабочими посад, в котором родился Л. И. Захаров, был запущенным и грязным. Рабочие, занятые на местном заводе, были, главным образом, отставными солдатами. На низеньких домах всюду красовались надписи: «канонир Петр Дехтярев», «отставной унтер-офицер Коробов» и т. д. Отец Льва Ивановича — Иван Иванович — был бомбардир-наводчик в отставке и работал на заводе. Мать — Прасковья Спиридоновна — постоянно стирала белье, — зимой и летом ее можно было видеть на речке, у воды.

Лев Иванович учился в начальном, затем в городском училищах. Потом, захваченный мечтой о работе лаборантом, пошел на завод. Начальник завода — старый царский чиновник — выслушал юношу и порекомендовал идти... мальчиком-переборщиком в мастерскую. Мечта оказалась несбыточной.

В 1917 году Лев Иванович пошел на вновь открытые торфоразработки резчиком торфа. Работать приходилось

*) В. Г. Белинский.

босым, по колено в воде. Одновременно он учился в среднетехническом училище. Затем, не прерывая учебы, поступил на химический завод. Там работал то лаборантом, то сторожем (когда завод из-за недостатка топлива закрывался) и, наконец, старшим лаборантом.

Разгромив интервентов, Советское правительство стало заботиться о восстановлении и обновлении химических заводов, устройстве совершенных лабораторий, подготовке специалистов в области химии.

В 1920 г. среднетехническое училище, где учился Лев Иванович, было преобразовано во втуз и стало готовить инженеров-химиков. Студенты учились настойчиво. Талантливые педагоги-химики Елагин и Янковский, захваченные духом искателей, прививали студентам любовь к химии, к разгадыванию ее тайн.

В 1924 г. Лев Иванович кончил втуз и через девять месяцев блестяще защитил интересную дипломную работу: «Действие серной кислоты на нитроклетчатку». Готовя дипломную работу, молодой инженер проводил целые дни и ночи в заводской лаборатории. Все удивлялись его энергии, его упорству в достижении намеченной цели.

В те годы существовал порядок, по которому оканчивающие высшую школу могли получить звание инженера лишь после двух лет практической работы. Этот стаж уже был у Льва Ивановича, поэтому квалификационная комиссия, организованная при Киевском политехническом институте, сразу присвоила ему звание инженера-химика.

Там, где отец работал чернорабочим, Лев Иванович стал инженером. Дирекция втуза, высоко ценя способности Льва Ивановича, предложила ему работу по совместительству. Он согласился. Первое время он работал помощником заведующего химической лабораторией, затем заведующим ее и одновременно—ассистентом. В 1925 году ему поручили также чтение курса технологии органических веществ. Но, работая во втузе, Лев Иванович не изменил своей основной, глубоко любимой специальности—он отдавался ей целиком, работая на заводе.

Он рос, как практик, именно потому, что не оставлял завода. Десять лет практической работы на заводе, где он выполнял самые различные обязанности, сильно обогатили его. «Настоящий химик тот, кто является одно-

временно и теоретиком, и практиком»—говорил М. В. Ломоносов. Лев Иванович преданно следовал этим указаниям первого великого химика-соотечественника. Несомненно, что эта богатая практика весьма плодотворно отразилась на его позднейшей научной и педагогической деятельности.

По решению ЦК ВКП(б) в 1931 году Лев Иванович был назначен в один из украинских химико-технологических институтов. Здесь он становится деканом химического факультета, кроме того—помощником заведующего кафедрой по своей специальности. Он развернул энергичную, захватившую его целиком, научную и педагогическую работу. С любовью и уверенностью он начал готовить специалистов, опираясь на свой опыт, на проверенные на практике знания. Много сил, много знаний он отдал институту. Он делал все, чтобы подготовить смелых, умных специалистов в области химии, которые крайне нужны были быстро растущей социалистической стране.

В 1934 году Лев Иванович переехал в Казань для работы в Химико-технологическом институте. Казань привлекла его, как старинный центр химической школы, прославленной во всем мире. В Химико-технологическом институте Льву Ивановичу поручили руководить кафедрой. Он еще шире развернул свои научные исследования. В 1938 году его утвердили профессором и кандидатом технических наук.

* * *

Дома, в рабочем кабинете Льва Ивановича, в просторных дубовых шкафах стоят сотни книг на нескольких европейских языках. Он знает их душу, достоинства и недостатки, он умеет заставить послужить их себе, науке. Здесь же его собственные научные труды, самые разнообразные по виду: то очень скромные, без обложки, то в роскошном переплете, то на прекрасной лощеной бумаге, то на серой, газетной. Все они посвящены одному важнейшему разделу химии. Вот первый труд, написанный пятнадцать лет назад: «Отчет о трехлетней работе по испытанию и исследованию специальной заводской продукции». Вот второй труд, третий... Здесь мы видим «Курс специальной химии и технологии», «Учебник по физико-химическим свойствам веществ специальной тех-

нологии»,—труды, стоившие Л. И. Захарову больших усилий, большого напряжения ума. Всего у профессора 20 печатных работ; последнюю из них—капитально переработанный курс химии и технологии—он подготовил к 20-летию нашей орденоносной республики.

Своими трудами Л. И. Захаров принес большую пользу стране. Лев Иванович не раз бывал на химических заводах, сооруженных с учетом его научных выводов. Часто поезд, в котором он ехал по делам службы, бешено проносился мимо больших рабочих поселков, построенных вокруг возведенных по его проектам химических заводов. Сердце ученого исследователя громко билось, когда он смотрел на эти прекрасные детища труда. Он один из первых возродил в нашей стране производство веществ, которые не изготавливались после мировой войны долгое время. Некоторые научные произведения Льва Ивановича стали настольными книгами студентов советской высшей химической школы.

«Наука и промышленность—вот тут мои мечты. Они все тут»,— писал Д. И. Менделеев. Так может сказать о себе и Лев Иванович Захаров. Он, как и все советские ученые, единственной целью в своей жизни ставит—принести как можно больше пользы родной и любимой стране. Он с любовью выращивает кадры химиков, трудится дни и ночи, чтобы раскрыть новые тайны химии, чтобы укрепить экономическую независимость и боевую мощь Советского государства. Все, знающие близко Л. И. Захарова, говорят о его огромном трудолюбии и целеустремленности его труда.

Лев Иванович работает чрезвычайно много, упорно. В своей работе он ввел твердый, ничем нерушимый режим. Он пользуется уважением и как ученый и как педагог. Подобно Протасову, герою пьесы А. М. Горького «Дети солнца», он говорит:—«Изучайте химию, химию! Это изумительная наука, знаете!.. уже и теперь она представляется мне каким-то всевидящим оком. Ее зоркий смелый взгляд проникает и в огненную массу солнца, и во тьму зеленой коры, и в невидимые частицы вашего сердца, и в тайны строения камня, и в безмолвную жизнь дерева. Она смотрит всюду и, везде открывая гармонию, упорно ищет начала жизни...»

Лев Иванович знает, что настало время «...когда волокно химически обработанного дерева можно будет

прясть, когда мы с тобой будем носить дубовые жилеты, березовые сюртуки...»

Профессор Захаров повседневно помогает студентам глубоко изучать любимую науку. Особое внимание он уделяет их производственной практике, посылает студентов, учитывая их наклонности и способности, на те заводы, где они могут быстрее совершенствоваться в любимом деле. Студенты вуза работают в Москве, Ленинграде, на Кавказе, Урале... Лучшие остаются для научной работы, в аспирантуре. Среди 32 аспирантов института 31—бывшие воспитанники Захарова. Они трудятся в прекрасных лабораториях и научных кабинетах.

Профессор тщательно подбирает кадры преподавателей; среди последних член-корреспондент Академии Наук СССР, ученый с мировым именем А. Е. Арбузов, доктор математических наук Адо и др. Эти люди учат способную молодежь. В институте обучаются русские, татары, казахи, марийцы, удмурты — представители 14 национальностей. Больше 60 проц. студентов—члены, кандидаты ВКП(б) и комсомольцы, многие—дети рабочих или бывшие рабочие химических заводов. В институте созданы прекрасные условия для студентов,—только учись и учись!

У Льва Ивановича много замечательных воспитанников. Среди них—Поляниченко, начальник научно-исследовательской лаборатории одного из крупных заводов, инженер Фролов, работающий в конструкторском бюро... Многие бывшие студенты кафедры Л. И. Захарова—крупные командиры производства. Они часто пишут своему любимому профессору: просят помощи и совета в разрешении той или другой технической задачи, в выборе темы для диссертации, интересуются судьбой факультета. Вот одно из таких многочисленных писем:

«...Уважаемый Лев Иванович, прошу извинить меня, что я до сих пор не мог вас отблагодарить за советы и особенно за отписки (научных работ—Н. Г.). Думаю произвести расчет производительности станка по Вашему способу, как по наиболее правильному. Мне еще хочется получить указания по наклонной разымке... Напишите, Лев Иванович, как сдают экзамен студенты IV курса. Мы здесь, вместе с Сафиуллиным, часто вспоминаем о Вас. Сафиуллин работает зам. начальника мастерской, Чанышев, Хайрутдинов и Юсупов—начальники смен...»

Профессор любит своих учеников, заботится о них, и ни одного письма не оставляет без обстоятельного ответа.

* * *

В 1939 году Л. И. Захаров был награжден орденом «Знак Почета». Профессор узнал о высокой награде во время своего пребывания в Москве, где был по вызову наркомата. Награда глубоко взволновала его. С большим чувством радости рассказывал он тогда своим товарищам, что будет трудиться еще лучше и больше.

В один из летних дней, когда казалось, что вся красавица Москва утопает в солнечном свете, профессор и другие награжденные пришли в Кремль. Михаил Иванович Калинин вручал ордена.

— Поздравляю вас, товарищ Захаров, с высокой наградой и желаю вам плодотворной работы,—сказал М. И. Калинин, пожимая руку знатному химику.

В Кремле Л. И. Захаров встретил двух своих бывших учеников Войцеховского и Фролова, также награжденных орденами СССР. Это наполнило сердце профессора гордостью и радостью.

Лев Иванович—депутат Молотовского райсовета Казани. Чувствуя всю важность своей работы депутатом, он часто делает отчеты о сессиях райсовета перед избирателями, неутомимо старается выполнять пожелания трудящихся. Депутат-профессор заботится о починке мостовых, исправлении водопроводной колонки, о разбивке в городе садов, посадке плодовых деревьев и ягодников, ремонте жилищ, заготовке дров для школ...

Лев Иванович коммунист с 1927 года. Он активно участвует в работе партийной и профсоюзной организации института. В последнее время он член Высшего технического совета Наркомата, член Ученого совета одного из научно-исследовательских институтов, председатель Государственной экзаменационной комиссии при Куйбышевском индустриальном институте.

Страна доверяет Л. И. Захарову, ценит его труд, содействующий процветанию передовой советской науки.

* * *

Часто летом Л. И. Захаров приезжает отдыхать в родной ему рабочий посад, превратившийся теперь в большой город. Отца его—отставного бригадира-навод-

чика давно нет в живых. Он умер в 1919 году. Мать — Прасковья Спиридоновна — жива. Она приветливо встречает многочисленных своих сыновей, дочерей, невесток, внуков и внучек. Все дети ее «вышли в люди». Два брата и сестра Льва Ивановича стали инженерами-химиками, третий брат — техником-чертежником, вторая сестра — химиком-лаборантом....

Вечерами семья сходится у самовара, говорит о жизни, о родном городе, о тяжелом прошлом...

Н. Гусев.

ЗООТЕХНИК С ЗОЛОТОЙ МЕДАЛЬЮ.

После первого мальчика жена Николая Ахметкина родила подряд трех девочек. Ахметкин каждый раз ожидал мальчика. Он мечтал: «Родится мальчик, прибавится надел земли... Хлеба побольше будет... жить станет легче.» Он хотел иметь бойких мальчиков—крепышей, которые помогали бы ему в трудной крестьянской работе, ухаживали бы за лошадью, боронили, а покрепче встан на ноги—зарабатывали бы и приносили семье деньги...

Но рождались все девочки—одна, другая, третья... Мечты рушились. Николай Ахметкин сокрушенно вздыхал:

— Как прокормить на двух наделах шесть едоков? Что толку в девчонках? Корми их, расти, а когда вырастут—отдай кому-нибудь. Нет, это не дело! Один раззор. Старики правильно говорят: имей сыновей—живи, не робей.

Жена его Дарья считала себя во всем виноватой. Когда так говорил муж, она молчала. Нет, она не имеет права возражать мужу. Она с болью в душе должна покориться судьбе. Так, видно, написано на ее роду, не иначе.

Но Ахметкин не хотел покоряться судьбе. Он не хотел сдаваться ей без борьбы. Когда жена забеременела

пятым ребенком, он принял все меры, какие были в его силах. Он повез жену в соседнюю русскую деревню к известной знахарке «для заговора». Казалось бы все в порядке. Но Ахметкин, подумав, решил для верности попросить еще и знахарку-татарку «делать заговор». Он деловито рассуждал:

— Один не поможет—другой, глядишь, поможет. Так-то вернее. А для нас, крещеных татар, и русские и татарские заговоры должны действовать.

Но через несколько дней его опять взяло сомнение: «А вдруг—ни тот, ни другой не подействует? Опять тогда девчонка? Нет, надо добиться своего.» Чтобы дело было еще более надежным, он пригласил к жене третью знахарку, на этот раз—чувашку.

— Чуваши — хороший народ, — говорил он жене. — Они мастера заговаривать. Пусть заговорят—плохого не будет.

Только после трех «заговоров» Николай Ахметкин стал твердо надеяться, что наконец-то родится мальчик,—не может быть, чтобы из трех заговоров ни один не подействовал!

В ненастный осенний день 1908 года Николай Ахметкин стоял в сенях, у дверей в избу, с нетерпением ожидая сообщения о рождении сына. И вот тихо приоткрылась дверь, показалась голова бабки-повитухи. По ее глазам Ахметкину все стало понятно.

— Опять девочка?—спросил он растерянно.

— Да,—ответила бабка и попросила:—Дарья тревожится сильно. Ты уже не гневись на нее. Не от нее только, ведь, зависит...

У Николая Ахметкина разом поднялись горькие думы: «Беда за бедой...» Но чтобы успокоить жену, сказал:

— Скажи, не буду упрекать. Пусть не тревожится. Что сделаешь? Тут боги, и то не помогли.

Девочке дали имя Мария.

Теперь на двух наделах нужно было кормить восемь человек. За столом—восемь ртов, восемь ложек. Эх, как тяжелы эти ложки! Но что будешь делать? Надо терпеть и как-нибудь выбиваться из нужды.

Прошло десять лет, и все переменялось. Прогремела революция. Революция сказала: мужчины и женщины—равны. В 1918 году дочери Ахметкина были наделены землей. Земли всем хватило: вновь делили не только

общественные земли старого Корбаша, но и помещичьи.

— Эх, старый дурак!—журил Ахметкин себя.—Я ждал помощи от бога да знахарок. Вот ее откуда, оказывается, надо было ждать!

— Я ведь говорила тебе,—заметила жена.

— Что говорила? Что ты можешь говорить?

— О детях говорила.

— А, о детях. О них говорила. Верно, который палец не укуси—все больно. А теперь дети—все одинаковы.

Мария росла бойкой, непоседливой. Мать часто жаловалась на нее:

— Что за девочка? Не пойму! Пошлешь ее пасти гусей к Пичмян-горе, а она убегает к лошадям. Ездит верхом. С мальчишками в перегонки скачет. В кого только уродилась!

— Пусть, — говорил Ахметкин. — Пусть пасет и гусят и лошадей. Мы землю живы. Нам все нужно уметь делать.

— Но ведь она девочка? Как-то неловко...

Мария, как мальчишка, стала возиться около отца, помогать ему. Ездила в ночное. Водила лошадь купать в Кубне, заплетала ей хвост, гриву. А потом стала боронить и даже пахать.

С восхищением глядя на дочь, отец восклицал:

— Эх, Мария, Мария! Тебе бы мальчишкой родиться. Скотину очень любишь.

Но отец не всегда одобрял Марию. Закончив сельскую школу, она стала проситься продолжить учение в средней школе. Но разве такое образование нужно деревенской девушке?

— Кем ты хочешь быть?—говорил отец.—Твой дед ковырял землю, я ковыряю и ты ковырай. Мы люди земли. Нет нужды дальше учиться. Возьми к примеру меня: не умею ни читать, ни писать, а живу.

Но Мария не хотела брать пример с родителей. Она самовольно ушла в соседнюю деревню, выдержала испытания в среднюю школу, стала учиться.

Отец ругал ее:

— Что мне, ради твоей учебы избу продавать что ли? Что будем делать? Где жить? Понимаешь ты это или нет?

Нет, Марии не хотелось, чтобы продали избу. В самом деле, где тогда будут жить родители, брат и сестры?

...Ей не пришлось окончить среднюю школу. В 1926 году Мария поступает в Казанский сельскохозяйственный техникум. Здесь ей дали стипендию, предоставили место в общежитии. Всем обеспечили,—только учись. Нет, значит, никакой надобности продавать избу.

— Эх, старый дурак!—журил себя Ахметкин.—Все не так страшно. И как я этого не знал?

Окончив сельхозтехникум, Мария начала работать агрономом в Н.-Челнинском районе. Со всей молодой энергией и задором взялась она за порученное дело. Одновременно вела большую и разнообразную общественную работу.

Но Марию не удовлетворяло полученное образование. Очень скоро она поняла, что необходимо продолжить его. И, наконец, она поняла, что свои способности в полной мере может проявить в другой отрасли хозяйства—в животноводстве. Получив высокую квалификацию, она принесет здесь, в любимом деле, большие пользы стране.

Так почему не учиться, если есть желание? Двери всех высших учебных заведений широко открыты. В Казани есть прекрасный Зооветинститут. Поступай и учись! Почему не выполнить свое желание?

Об этом желании Марии узнал отец и—диво: на этот раз сам начал советовать учиться в институте.

— Учись, дочка, учись,—говорил он.—Истинную правду содержит старинная пословица; имеющий крепкие руки одного победит, имеющий знания—тысячи победит.

Мечты Марии осуществились. Она окончила институт, стала зоотехником высокой квалификации. С дипломом в руках, с радостью и робостью в сердце осенью 1936 года отправилась она работать в Муслимовский район.

Муслимовский район—странный, удивительный район! С радостью и гордостью здесь смотришь на бурно растущую новую, красивую, увлекательную жизнь. И здесь же находишь остатки старого...

Здесь есть передовой колхоз «Рахматулла». Это богатый колхоз, завоевавший высокие урожаи, завоевавший большую славу своими большевистскими делами. А село, где находится этот колхоз, сохранило до сих пор старинное название—Телянче (Нищее). Когда-то это селение, в самом деле, славилось по всей окрестности

своими нищими. Оно готовило нищих высокой квалификации!

Другая деревня до самого последнего времени имела обидное название—Сасыборон (Вонючий нос). Есть молва, что когда-то деревня называлась Баллыборон (Медовый нос). Хотя и это было не ахти какое завидное название, но какой-то старик в сердцах будто бы сказал: «У вас не медовые носы, а вонючие». Так и прилипло к деревне это обидное название. А колхоз в этом селении носит название «Магариф» (Просвещение). Какая противоположность! В наших условиях нет ей места. Недавно деревня получила другое название—Елгабаш.

В Муслюмовском районе мы видим участки и поля высоких урожаев, рыбные озера, богатые луга в долине речки Ик. В то же время приходится встречать колхозы, где все еще не умеют выращивать овощи и разводить сады. В некоторых селениях нельзя найти ни одной яблони, ни одного куста вишни, черемухи.

Не пора ли уже ликвидировать и эти последние остатки старины?

Вот в этот район и приехал молодой зоотехник Мария Ахметкина.

Животноводство здесь было полно таких же контрастов. Вместе с баранами простой породы гуляли бараны «прекос», с простыми быками—быки швицкой породы.

Когда Ахметкина уезжала из Казани, ее предупреждали в Наркомземе:

— Животноводство в районе поставлено неважно.

Да, это так и было. Приехав в район, Мария Ахметкина обнаружила, что во многих колхозах нехватает кормов. Пришлось сразу же ездить из колхоза в колхоз, проверять состояние ферм. С некоторыми председателями колхозов пришлось вести серьезные разговоры.

— Где были летом? Почему не заготовили корма?—упрекала Ахметкина беззаботных председателей колхозов.

Председатели подыскивали в оправдание различные причины, жаловались на засушливое лето.

— Бороться с чесоткой тоже сухое лето помешало?—спрашивала она.—Скот заражен чесоткой. Что же вы смотрели?

Председатели колхозов и заведующие фермами, до-

пустившие заражение скота чесоткой, смущенно поглядывали друг на друга...

Мария Ахметкина объясняла им, что и в засушливое лето, при желании, можно заготовить много разных кормов. И тут же давала деловые советы, как обеспечить благополучную зимовку скота.

Везде ее встречали и провожали с удивлением:

— Какая беспокойная девушка!

Так началась работа Марии Ахметкиной, вначале полная тревог и волнений. Так заботиться и тревожиться о скоте может лишь тот, кто считает животноводство делом родным, дорогим, кто искренне любит работу в этой важнейшей отрасли народного хозяйства. В своей работе Мария не была одинока. Ей хорошо помогали и сотрудники—зоотехники Халиуллина и Харрасов. Они оказались тоже деловыми, хорошими работниками.

За 1938 год животноводство в Муслимовском районе значительно поднялось; план развития животноводства был выполнен с превышением (план выращивания овец выполнен на 127 проц., свиней—на 137, жеребят—на 168). Особенно замечательных показателей добились по выращиванию ягнят: от каждых 100 овец было выращено 144 ягненок с тонкой, мягкой и густой шерстью.

За это выдающееся достижение зоотехник Мария Ахметкина была утверждена участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, а потом Главным комитетом ВСХВ награждена Малой золотой медалью.

В 1939 году Муслимовский район также во многом с превышением выполнил план развития животноводства. Теперь в районе есть фермы, добившиеся замечательных результатов в разведении высокопородного скота. В прошлом году на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке участвовали из района только две фермы, а в нынешнем году выставлено уже восемь кандидатов в участники. В районе неуклонно растет поголовье коров швейцарской породы, овец «прекос», русских рысистых коней.

— Но нам еще многое нужно сделать,—говорит Мария Ахметкина. — Очень одобряют овец «асканийский рамбуль». Почему бы нам не иметь их? Также не разрешен еще полностью у нас вопрос о кормовых корнеплодах для скота.

Мария Ахметкина усердно работает и над повыше-

нием своих знаний. Иногда в сосредоточенном труде над книгами незаметно проходит ночь. Сверкая, восходит солнце, над Иком поднимается молочный туман. Запевают птицы. Где-то в вышине со свистом, рассекая воздух, пролетают дикие утки. И смотря, как рождается прекрасное утро, Мария стоит у окна и мечтает о недалеком будущем.

Скоро в районе значительно больше будет посевов корнеплодов, кормовых трав, пастбищ. В лугах будут пастись большие стада сытого, упитанного, высокопородного скота... По Ику и дальше на синеющих склонах гор будут цвести яблони. Селения будут утопать в садах...

Это будет скоро. Это бесспорно, как бесспорно, что и завтра взойдет над землей солнце...

А. Шамов.

Перевел с татарского *Ф. Семенов.*

ДИРЕКТОР- ОРДЕНОНОСЕЦ.

I.

...Рано утром в райкоме партии узнали о том, что вновь сформированная красноармейская часть поддалась вражеской агитации и категорически отказалась выступить на южный фронт. Часть предъявила такой ультиматум, выполнить который было совершенно невозможно. Она потребовала, чтобы ее полностью обмундировали — теплее обули и одели. Но одежды не было. Она потребовала, чтобы ее снабдили вдоволь провиантом на дорогу. Но в городе даже больным, даже детям выдавали только по четверти фунта черного, как земля, хлеба. Голод и разруха, в союзе с интервенцией и русской контрреволюцией, душили молодую советскую республику. Израненная, истерзанная, она вела последний и решительный бой за право на существование, напрягала на борьбу все свои силы. Фронт требовал подкреплений, и новая часть должна была выступить на фронт. Но где и какую силу было найти для того, чтобы убедить обманутых, непорочных людей?

В райком вызвали двадцатилетнего большевика, бойца-добровольца, курсанта военной школы Константина Иоффе. Короткий разговор, дружеское напутствие, пожелание успеха, и молодой курсант уже в казар-

ме. Один. Безоружный. Попросил собрать митинг. Посыпались злые выкрики:

— Уговаривать приехал!

— Тоже—агитатор...

— Видали таких!

Не отвечая на окрики, твердым шагом, внешне совершенно спокойный, прошел молодой курсант-большевик вперед, встал на перевернутый ящик. Быстрым взглядом окинул собравшихся:

— Товарищи красноармейцы! Сегодня утром вы должны были выступить на фронт...

В ответ топот ног, пронзительные свистки, крики:

— Сначала накормить надо, одеть, обуть!

Остановился, спокойно ожидая, когда стихнет шум. Заговорил снова:

— На фронте с нетерпением ждут вас бойцы Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Ваши товарищи ждут. Война близится к концу. Мы уже победили армии Краснова и Юденича, Деникина и Колчака. Не за горами окончательная победа. Нужно еще усилие, и враг будет сломлен...

— А ты нам зубы-то не заговаривай! О хлебе говори, об амуниции...

— Довольно! Долю-ой!...

— На штык его, и дело с концом!

Константин Иоффе снова остановился, спокойный и даже улыбающийся. И снова пронеслась и стихла человеческая буря. Кто-то негромко, неуверенно крикнул:

— Ну, чего же молчишь-то? Приехал, так говори!

И молодой курсант продолжал свою речь—простую, убедительную большевистскую речь.

— Вы требуете хлеба. Но где взять его, сегодня даже больные, даже дети получают хлеба всего лишь по четверти фунта? Хлеб, товарищи красноармейцы, завоевать надо. Он есть в деревне, но наши враги—деревенские богатеи, кулаки—прячут его от нас, гноят в земле, только бы не дать его советской власти. Они ждут, что вернется старое, вернется их власть, но никогда не бывать этому...

Оратор говорил. Толпа, до этого шумная, грозная, мятежная, притихла. Кто-то пытался крикнуть, но к нему повернулись сердитые лица, на него зло зашипели, требуя полнейшей тишины.

...В полдень часть с развернутым знаменем, под духовой оркестр, чеканным шагом прошла по улице города на вокзал. Раздался прощальный паровозный гудок, грянула боевая красноармейская песня, и эшелон тронулся на фронт. Мятая часть решила на деле, в бою доказать свою преданность молодой советской республике.

Этот эпизод прочно укрепил за молодым курсантом Константином Иоффе славу большевика-агитатора. Быстро вырос его авторитет среди курсантов школы. Вскоре они единодушно избрали Иоффе своим депутатом в Моссовет.

II.

До 1935 года Константин Ильич Иоффе работает заместителем комиссара той самой школы, в которой был курсантом, работает инструктором Рогожско-Симоновского райкома партии гор. Москвы, занимает различные руководящие должности на оборонных предприятиях страны. Одновременно без отрыва от производства успешно кончает Московский университет.

В 1935 году приказом Серго Орджоникидзе тов. Иоффе назначается директором на небольшой, но важный по своему значению завод. Пробравшиеся на завод и тонко замаскировавшиеся там враги народа немало поработали над тем, чтобы развалить нужный стране завод, всячески стремясь доказать «непригодность» и «нерентабельность» его. Несколько лет завод был в глубочайшем прорыве.

Новый директор с первого же дня, засуча рукава, берется за дело. Большую часть времени он проводит в цехах, беседует с рабочими, мастерами, изучает оборудование завода. Он узнает, что один из агрегатов по чьей-то вине вот уже несколько лет заброшен, бездействует.

— Пустить агрегат!—приказывает директор.

Заводские «авторитеты» взвыли:

— Да что вы, товарищ директор! Вы—новый человек и еще не знаете, что здесь до вас с этим агрегатом несколько лет бились. Гиблое дело! Ничего не выйдет! Надо все переделывать заново, а на это потребуется больше года.

— А мы попробуем быстрее пустить его,—ответил Иоффе.

Он собирает к себе всех механиков, приглашает нужных инженеров, советуется с ними и затем принимает смелое решение: снять с работы всех цеховых механиков и лучших мастеров и поставить их на пуск агрегата.

Трое суток кипит в цехе напряженная работа. Директор сам днюет и ночует здесь, вникает в мельчайшие детали, непосредственно руководит всей работой. Через трое суток агрегат был пущен и заработал, как хороший часовой механизм. Благодаря этому повышенное задание, полученное заводом от правительства, было успешно выполнено.

Обходя завод, директор увидел в одной из мастерских вновь смонтированный конвейер, который собирались пускать через несколько дней. Поговорил с рабочими и мастерами о пригодности этого конвейера и услышал от них сперва осторожные намеки, а потом и прямое заявление, что конвейер не только не пригоден, но даже будет опасен. Разобравшись сам в сути дела, директор согласился с рабочими, что пуск конвейера неизбежно приведет к большой аварии. В тот же вечер собрал инженеров и механиков и задал им прямой вопрос:

— Нужен ли нам конвейер?

Мнения сразу раскололись. Одни говорили, что они еще раньше заявляли о непригодности этого конвейера. Другие утверждали, что конвейер абсолютно необходим. Бросили директору обвинение в том, что он против механизации.

— Смотри по тому, какая это механизация, — спокойно ответил директор. — Я лично стою за такую механизацию, которая повышает производительность труда, улучшает качество продукции, облегчает труд рабочего...

Люди с видом оскорбленной добродетели пожимали плечами, протестовали, строчили в центр жалобы на «директора-диктатора», пытались поднять против него общественное мнение. Ничего не помогло! Новый директор приказал немедленно разрушить конвейер и оказался прав: вскоре выяснилось, что на заводе готовилась диверсия, главным орудием которой должен был быть именно этот конвейер. Диверсия не удалась потому, что новый директор, опираясь в своей работе на коллектив, прислушиваясь к голосу и указаниям коллектива, быстро понял увертки вредителей и вывел их на чистую воду.

Константин Ильич Иоффе не терпел разгильдяев и лодырей, не терпел людей инертных, неповоротливых. Но если человек был энергичен, проявлял полезную инициативу, необходимую гибкость, умел организовать дело или даже стремился к этому, он всегда мог смело рассчитывать на поддержку директора Иоффе. Он смело выдвигал таких людей на ответственные участки работы. Иногда люди отказывались от этого—из скромности или просто из-за боязни сразу встать на ответственный участок. Директор вызывал таких к себе, подолгу беседовал с ними, ободрял, доказывал, что настоящие советские специалисты не боятся трудностей. И люди соглашались с доводами директора, становились смелее, решительно брались за работу, ранее казавшуюся трудной.

Под руководством директора-большевика завод, разваленный вредителями, завод, многие годы не выполнявший плана, стал передовым заводом наркомата и получил переходящее красное знамя. А сам директор завода К. И. Иоффе был награжден советским правительством орденом Ленина.

В начале 1939 года тов. Иоффе стал директором завода имени В. И. Ленина—старейшего завода Татарской республики, славного своим боевым прошлым. Руководителями того завода, где раньше работал Иоффе, остались молодые работники, занимавшие раньше должности помощников начальников цехов. Иоффе смело выдвинул их на руководящие посты и не ошибся. Его выдвиженцы отлично справляются с работой.

III.

Лето 1939 года было на исходе. Все короче и короче становились дни, холоднее делались ночи. В багряный осенний наряд одевались деревья. Скоро должны были начаться дожди, а затем и морозы. Иоффе начинал заметно нервничать. Строители-подрядчики уже давно сорвали все установленные им сроки и грозили окончательно сорвать всю работу по прокладке трубопроводов. Иоффе еще раз (который раз!) вызвал к себе руководителей строительной конторы и спросил их:

— Когда мне дадите трубопроводы?

Строители жались, выставляли десятки «вполне объективных» причин, клялись, что-де они принимают все

меры, но точно ничего не обещали. Иоффе продолжал настаивать.

— Земляные работы нас держат. Землекопов у нас нет, а то бы мы вам живо все сделали, — наконец заявили они.

— Ну, а еще что вас держит?—допытывался Иоффе.

— Больше ничего.

Директор задумался: как быть? Если не будут проложены трубопроводы, здания останутся на зиму без отопления и без воды, и работать в них будет нельзя. Пойти на это он не мог. Нужен был какой-то выход из создавшегося положения.

— Ну, а если мы выполним вам земляные работы—будет трубопровод?—спросил Иоффе строителей.

— Да ведь землекопов-то у вас тоже нет? Где вы их достанете?

— Землекопы у нас будут!—уверенно сказал Иоффе.—Вы скажите, дадите ли вы трубопровод?

— Дадим...—вздыхнув, ответили строители, все еще не веря в то, что Иоффе найдет землекопов.

Убедившись, что дальше надеяться на подрядчиков ни в коем случае нельзя, Иоффе задумал действовать иначе. Он решает обратиться за помощью к коллективу своего завода. Посоветовался по этому поводу с одним, с другим, третьим... Обратился в райком партии, в партийный комитет завода, в завком, в редакцию заводской газеты.

Везде нашел поддержку. Обратился к заводскому активу — поддержал и актив. И когда, наконец, директор выступил на общезаводском собрании и попросил у коллектива рабочих, инженерно-технических работников и служащих помощи,—весь коллектив, как один человек, решил провести день социалистической помощи заводу.

И вот ранним августовским утром у заводского Дворца культуры грянул духовой оркестр. Со всех сторон на площадь стекались люди. Они шли в одиночку и целыми бригадами, организованно расходились на трассу траншеи будущего трубопровода. В глубине души десяти-строители таили сомнение: а выйдет ли что из этой затеи?

Но когда люди приступили к работе — у самых заядлых маловеров исчезло всякое сомнение в исходе дела. Как-то стихийно возникло соревнование между бригад

ми. Люди соревновались на быстрейшее и лучшее завершение земляных работ.

Взволнованный, радостный обходил директор-орденоносец трассу траншеи:

— Отличная работа! Я так и думал, что выйдет дело. Иначе и быть не могло, — говорил он.

За один день было сделано столько, на что при ином подходе, при иной организации понадобился бы не один месяц!

Это только один пример, ярко показывающий Иоффе, как руководителя социалистического предприятия. Таких примеров много. Мы могли бы рассказать о том, как на заводе имени Ленина люди, смонтировав одни агрегаты, «забыли» смонтировать необходимый для них подъемник. Монтировать сейчас подъемник — значило задержать пуск агрегатов еще на шесть—семь месяцев. Тогда, по указанию Иоффе, сооружается эстакада, которая оказывается куда удобнее подъемника! Мы могли бы рассказать о том, как благодаря настойчивости Иоффе, благодаря жестокому контролю за исполнением распоряжений, установленному им, устранялись многие другие неполадки на заводе.

1939 год был для завода имени Ленина годом большого перелома. Смело, твердо, уверенной поступью направился завод к победе. За год завод завоевал первое место в соревновании на постановку дела техники безопасности и промышленной санитарии. Энергичная борьба за экономию топлива, пара и электроэнергии, развернувшаяся на заводе, принесла ощутимые результаты и дала ему право вызвать на соревнование за экономию топлива другие заводы Главка. В 1940 году завод имени Ленина ежемесячно перевыполняет государственные задания. Несомненно, что здесь сыграла свою роль партийная организация завода, сыграл свою роль боевой отряд подлинных героев нашего времени — стахановцев-много-станочников и совместителей профессий. Но несомненно также и то, что во всем этом видная роль принадлежит и директору-орденоносцу, директору-организатору Константину Ильичу Иоффе.

Трудящиеся завода имени Ленина, высоко ценя заслугу директора Иоффе, избрали его депутатом Казанского городского Совета. Одновременно К. Иоффе — член пленума райкома и горкома партии.

Б. Орешников (Камский).

ПЕВЕЦ СВОБОДЫ И КРАСОТЫ.

В эти минуты, когда начинаю писать о народной артистке нашей республики Асии Измайловой, я вспоминаю Максима Горького и его рассказ «Рождение человека». В этом прекрасном произведении описывается, как женщина родила ребенка на берегу моря. На помощь одинокой женщине поспешил Горький; он принял ребенка, стал купать его в море и был в восторге, когда ребенок громким криком возвещал миру о себе...

...Конец лета 1903 года. Рабочий Симбирской железной дороги Сафиулла абы по приказанию начальника депо отправился молотить хлеб. Вместе с ним поехала и его жена—Асьма апа. На обратном пути у Асьмы апы внезапно начались схватки, и в лесу, полном озабоченных и беспечных голосов птиц, раздался первый крик новорожденной. Сафиулма абы принял дочь и выкупал ее в водах красавицы Волги. Девочке, родившейся в шумном лесу и принявшей первую ванну в Волге, родители дали имя—Асия.

Так началась биография Асии Измайловой.

...Конец 1928 года. Радостные дни пребывания в Казани великого пролетарского писателя Максима Горького.

В Доме Татарской Культуры (ныне Дом учителя) происходила незабываемая встреча советских писателей Татарии с гениальным художником. После торжественного заседания, полного пламенных речей, начался концерт.

Максим Горький сидел в зрительном зале; я, как его переводчик, рядом с ним. У Горького в руках программа. На сцену смело вышла высокая, стройная артистка. Она спела татарские народные песни: «Шахта» и «Зюльхиджа», спела узбекскую песню «Прекрасная Фергана». Сильный, красивый голос талантливой певицы очаровал слушателей. На Горького ее выступление произвело сильное впечатление, он обернулся ко мне и взволнованно спросил: «О чем она поет?» Выражая свое восхищение, Горький горячо аплодировал даровитой певице. Потом в программе концерта, рядом с именем—Асия Измайлова—поставил знак плюс.

После окончания концерта Максим Горький прошел за кулисы, чтобы поздравить артистов. Он с чувством глубокого удовлетворения крепко пожал руку Асии Измайловой и, взяв у нее «Альбом народных мелодий», написал:

«Свобода любит красоту,

А красота—свободу.

4/VIII-28 г.

М. Горький.

... Асьма апа родила четырнадцать детей. Но жизнь была тяжелой, жестокой, и Асьма апа не смогла их всех вырастить,—в живых осталось лишь восемь.

Чтобы дети имели кусок хлеба, Сафиулла абы день и ночь работал на железной дороге, а Асьма апа работала на фабрике ткачихой и несла многочисленные заботы по домашнему хозяйству.

Только тринадцати лет Асия начала учиться. Страстно, упорно она наверстывала упущенное время! Учиться,—это было счастье, да какое счастье! Однако, оно продолжалось недолго. Суровая жизнь вырвала его: через год девочке пришлось оставить школу и вместе с отцом начать работать на фабрике.

У девочки, жизнь которой с ранних лет стала заполняться нуждой и горестями, было лишь одно утешение—песня.

Песня успокаивает, облегчает горе и приносит радость. Потому, видно, и бабушка часто пела, лежа на

печке. Пел отец, когда был расстроен, пела мать, когда ей было особенно тяжело. Слушая их, Асия начала петь народные песни.

Великий Октябрь, давший народам России радость свободы, открыл молодую певицу и вывел ее на сцену.

В первые дни Октября Асия поступила учиться на краткосрочные педагогические курсы. Однажды к ней пришел человек в военной форме и попросил выступить на концерте в казармах перед бойцами революции. Героические бойцы-фронтовики, идущие в бой с белыми, слушали песни Асии о свободе. И первую радость артистки—шумные овации—она получила от бойцов Красной Армии.

В тот знаменательный вечер Асия встретилась с известным артистом, мастером татарской сцены Бари Тарханом. Бари Тархан пригласил ее в труппу. В этой труппе Асия работала три года и зарекомендовала себя талантливой певицей.

...В современном репертуаре Асии Измайловой есть замечательная песня—песня о героической дочери рабочего, комсомолке Гюльсаре. Асия исполняет эту песню мягко, задушевно, вкладывая в звуки мелодии большое человеческое чувство. Почему эту песню хочется слушать именно в исполнении Асии Измайловой? Мне кажется, кроме таланта, тут играет большую роль еще другое: Гюльсара—это Асия сама. Асия, как и Гюльсара, с шестнадцати лет полностью посвятила себя службе во имя революции.

В 1921 году Асия вступила в ряды комсомола. В это же время она стала увлекаться чтением, начала с жадностью «поглощать» страницы великих художников слова: Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого, Чехова, Горького. Это дало ей многое. Она лучше узнала, что такое человек. Она поняла: нужно долго, упорно учиться, чтобы уметь наиболее полно раскрывать в искусстве тайны человеческой души.

«В Москву! В Москву! В Москву!»—такими словами, в которых слышится вопль провинциальных девушек, заканчивается чеховская пьеса «Три сестры». Москва для них осталась в мечте.

Из Симбирска (ныне Ульяновска), где для Асии началась большая жизнь, она отправилась в Москву—столи-

цу нашей родины. Москва! Для человека, жадного ко всему новому, один день, проведенный в Москве, равен многим и многим годам.

В Москве Асия окончила рабфак и училась в Коммунистическом университете народов Востока. Она посещала также университет имени Свердлова, где слушала лекции товарища Сталина.

Одновременно Асия брала уроки в музыкальной школе, посещала театры, знакомилась с мастерами сцены, слушала концерты лучших вокалистов.

А вскоре Асия—артистка Московской татарской труппы, культработник в рабочих районах, одна из первых певиц только что открытой радиостанции имени Коминтерна... Нельзя не удивляться ее энергии!

Летом 1924 года Асия Измайлова вместе с известной артисткой Сарой Садыковой отправилась в Донбасс. С багажом на спине, босиком (туфли нужно сохранить для сцены!) молодые советские девушки несли свое искусство рабочим. Три месяца ходили они с шахты на шахту, давая концерты.

На одной из шахт Асия исполнила татарскую народную песню «Деревенское». Ее приветствовали восторженно. Один из шахтеров обратился тогда к Измайловой с просьбой:

— Эта песня близка сердцу рабочего. Пусть будет она нашей,—ты назови ее—«Шахта».

Так началась история песни «Шахта».

После возвращения из Донбасса Асия выехала в Среднюю Азию. Там с большим успехом прошли ее концерты, в эфире попрежнему звучал ее сильный, волнующий голос.

В 1927 году Асия Измайлова приехала в Казань и быстро стала одной из популярнейших певиц Татарии. Здесь она, кроме открытых концертов, активно участвовала в радиопередачах. По просьбе радиослушателей Асия Измайлова совместно с И. Гиляловым, А. Хисамовым, Сульва-Валеевым совершила концертное турне по районам республики.

Асия Измайлова побывала и на Урале. Вновь искренняя благодарность, вновь горячие одобрения и похвалы рабочим!

На одном из концертов в Казани Асию слушал академик Иоффе. Он пригласил ее в Ленинград, и о ней, та-

лантливой певице, написал письмо А. В. Луначарскому. По предложению Луначарского, Асия Измайлова начала работать солисткой Московской государственной филармонии.

Талантливая артистка быстро росла, настойчиво изучая богатую культуру русской оперы. Уже в 1928 году она исполняла ответственные партии из опер «Борис Годунов», «Князь Игорь».

Честное служение искусству и одновременно активное участие в общественной жизни,—это важнейшее условие для развития таланта. Это отлично понимала Асия Измайлова. Работая в искусстве, она постоянно крепила связь с жизнью, с народом. В Москве она проявила себя как прекрасный организатор и агитатор. Трудящиеся избрали ее депутатом Дзержинского районного совета г. Москвы, а потом—членом президиума райсовета. И сейчас Асия Измайлова—активная общественница. Она депутат Казанского городского совета.

Жизненный путь дочери рабочего Асии Измайловой неразрывно связан с большевистской партией Ленина—Сталина (в партию она вступила в 1927 г.).

В 1933—34 году Асия Измайлова поступила учиться в Татарскую оперную студию при Московской консерватории и, окончив ее по всем дисциплинам на «отлично», получила диплом артистки оперы—исполнительницы ведущих партий.

Асия Измайлова положила много энергии и проявила большую инициативу в деле создания татарского оперного искусства.

Сейчас она—одна из передовых солисток как татарской, так и русской оперы в Казани. Она выступает в операх «Качкын» и «Фауст». В ближайшем будущем выступит в «Пиковой даме», «Галия бану», «Евгении Онегине».

Асия Измайлова поет сильным, приятным голосом, вкладывая в роли правду жизни. Встреча в ранней молодости с таким мастером сцены, как Бари Тархан, не прошла даром: Асия Измайлова не только хорошо поет, но и хорошо играет на сцене.

Учитывая выдающиеся заслуги в искусстве, Президиум Верховного Совета ТАССР присвоил Асии Измайловой звание народной артистки республики.

Советская власть открыла перед талантами невидан-

ные и увлекательные творческие перспективы. Она широко распахнула двери к знаниям и культуре. И жизненный путь дочери рабочего, теперь народной артистки, Асии Измайловой является одним из ярких показателей расцвета татарской советской культуры.

А. Кутуй.

В ПОИСКАХ СЧАСТЬЯ.

Ежегодно с первым парходом Галиулла Шарафеев возвращался на пристань в Тетюши. Шагая в лаптях по разрушенным ступенькам тетюшской пристани, он нес в одной руке узелок своего барахлишка, в другой—большие шахтерские сапоги с железными подковами. И вот он—на гребне высокого взгорья. Впереди—до самого горизонта—молодая зелень озимых и леса. А там, за синеватыми лесами, его деревенька—Чирки-Гришино. Как мила, как дорога ему эта деревня! В каком только виде она не представляла в его воображении в длинные ночи работы в шахтах, как тосковал он по своей Фаизе с черными, как смоль, волосами. В такие минуты он жалел, что нет у него крыльев. «Прилететь и хотя бы на миг увидеть все родное». И, словно угадывая его сокровенные мысли и желая подразнить, товарищи-шахтеры затягивали песню:

Полечу я на белом коне,
Словно чайка, взметнув свои крылья,
Повидать на родной стороне
Свою хату, жену, дочь и сына.

После такой песни Галиулле еще сильнее хотелось побывать дома. Но он знал, что это неосуществимо,—он

должен долго, неустанно трудиться, трудиться и откладывать копейки на покупку лошади. В их семье никогда не было лошади—ни у отца, ни у деда. Больше того, он даже свою любимую Фаизу увез на лошади, взятой украдкой у соседа. Кстати, на самом деле это не было похищение. Сама невеста, сидя с узелком за огоролом, с нетерпением дожидалась, когда «похитит» ее любимый Галиулла. Сделано это было потому, что расходы по свадьбе, если невеста похищена, будут значительно меньше.

...Каждую осень Галиулла покидал родную деревню, свою Фаизу, шел на Урал—в шахты, на прииска, чтобы заработать денег на лошадь. А весной, возвращаясь домой, с неменьшей энергией трудился на своем клочке земли.

Много положил труда Галиулла, чтобы нажить кормильца-коня. Не знал ни спокойного сна, ни отдыха, ни приличной одежды. Одна только мысль успокаивала и поддерживала его: «Пусть, потружусь сейчас, но как только лошадь пройдет через мои ветхие ворота, сразу откроется передо мною счастье». Он терпеливо, долго ждал этого счастливого дня. И, когда, наконец, купил лошадь, сразу похорошел его двор,—низенький хлев был обмазан глиной, нигде ни соринки.

Но недолго радовался Галиулла. Разразившаяся война с Японией оторвала его от хозяйства, от родной семьи.

С войны он вернулся инвалидом. Непосильный труд в шахтах и в деревне, неимоверно тяжелые условия войны разрушили его легкие. Кашляя, отхаркивая кровь, он жаловался:

— Ничего не вышло. Работал, работал, купил коня и думал—вот и достиг праздника, счастья, но... Все пошло прахом!

— Не отчаивайся, душа моя. Еще не все потеряли. Появится у нас ребенок, вырастет, и мы оба будем счастливы,—лаская, утешала его Фаиза. Она твердо верила в это счастье.

Сын-первенец родился в 1905 году. Родился он в страду, когда Фаиза дергала коноплю. Галиулла сначала растерялся. Он не знал, что делать. Нигде не было женщин, которые бы могли оказать помощь. С одной стороны—голые луга, с другой—зеленеющее озимое поле,

и только вдаль, ближе к деревне, виднелись запоздавшие, идущие с поля, люди.

Галиулла сам принял ребенка. Ему дали имя—Гарифуллу.

Однако ни Гарифуллу, ни появившийся на свет его брат Гафиатулла не принесли счастья в дом родителей. В семье прибавились только «лишние рты». Когда маленькому Гарифулле стукнуло три года, отец, не дождавшись желанного счастья—умер.

В осиротевшей безлошадной, бескоровой семье вновь стала хозяином одна нужда. Ценою своей чести мать вынуждена была спасти детей от голода. Она пошла второй женой к брату покойного мужа—Гибадулле. Тот бил ее, издевался над ней. Фаиза все переносила молча, лишь бы иметь для детей хлеб. И только когда Гибадулла начал издеваться над детьми, а их было теперь трое,—она решила покинуть его.

Фаиза вернулась в свою избу. Горе, нужда окончательно подорвали и ее здоровье. Она не в силах была продолжать борьбу за жизнь, и ранней весной 1917 года она умерла, оставив троих сирот.

Сироты снова попали в дом второго мужа матери—к Гибадулле. Много лишений и издевательств пришлось им перенести здесь. Жена Гибадуллы всеми силами старалась избавиться от них. Ради этого она пошла даже на преступление: как бы нечаянно уронила маленького Яруллу головой на порог, и через несколько дней он умер.

— Не думай рассказывать об этом,—запугивала она Гарифуллу,—иначе я также расправлюсь и с тобой!

Нет, нет, Гарифуллу не скажет об этом никому. Ему хочется жить, хочется видеть мир, хотя бы ему пришлось ради этого влачить жизнь бездомным. Он так же, как и все ребята, любит купаться в Свияге, любит удить рыбу, лежать на берегу и бегать по зеленому лугу.

Нет, он не хотел, чтобы ему разбили голову о порог. И поэтому он убежал из дома, глубоко затаив в своем маленьком сердце тоску по убитому брату Ярулле и ненависть к мачехе.

В 1919 году с ломтем хлеба за пазухой и с мешком за плечами он отправился в путь-дорогу, пошел искать счастье. Как и отец, он шел дорогой к Тетюшам. Но отец знал, куда идет, у него была заветная мечта—приоб-

рести лошаденку, и она гнала его на Урал, в шахты. А что было у маленького Гарифуллы? Куда ему идти? Где укрыть свою усталую, маленькую головку?

Вот и крутые, обрывистые берега у пристани. Внизу плещется могучая Волга. Плывут тяжелые баржи.словно птицы, распластав белые крылья пены, проходят пароходы. Слышны их протяжные, тоскливые гудки. Гарифулла видит на них веселую, нарядную толпу. Люди смеются, играют. Как они, видно, счастливы! Гарифулла задумывается: «Они едут, наверное, в счастливый край».

И он сел на один из пароходов и поехал с неизвестными людьми в «счастливую сторону». Ах, что за большие дома, как много больших городов на свете! Сколько народа! Он побывал во многих городах: в Казани, Астрахани, Саратове... Он ездил вверх и вниз по Волге.

...Гарифулла неожиданно почувствовал себя повзрослевшим, стал бесстрашнее смотреть в лицо жизни. Вернувшись однажды в родную деревню, он взял брата и уехал с ним вновь. После этого они надолго исчезли из поля зрения односельчан.

Проходя мимо заброшенного, заросшего лебедой места, где раньше стояла избенка Галиуллы Шарафеева, сельчане с сожалением говорили своим детям:

— Вот здесь стояла изба Галиулмы. Рано умер, бедняга. Двое его сирот так и пропали...

— Где же они, куда они делись?

— Померли, наверно, от голода, бедняжки.

Жутко становилось детям. Им казалось, что нехорошим ветром веет от заброшенного, заросшего лебедой места, они старались не отставать от родителей, скорее пройти мимо этого пустыря...

* * *

1935 год. Молодой агроном, придя за назначением на работу в Наркомзем Татарии, говорил:

— Дайте мне наиболее отсталое место, чтобы я мог уйти весь в работу, но только творческую.

Его расспросили об образовании, стаже, биографии.

— Мое имя Гариф,—ответил он,—по метрикам—Гарифулла. Фамилия Манеев. Эту фамилию я получил в детском доме, где воспитывался... Я не помню ни отца, ни матери. Они оба умерли, когда я был еще ребенком...

Подробно рассказал он о своей учебе и работе.

Окончил Чистопольский сельскохозяйственный техникум. Работал агрономом в Средней Азии, в Сочи, в Казани и Елабуге. Теперь он просил направить его на наиболее трудную работу.

— Тогда тебе лучше всего направиться в Калининскую МТС,—сказали ему в Наркомземе.—Ее фактически еще не существует. Там пока, кроме вновь назначенного директора и механика, никого нет. Ваша энергия будет нужна. Поезжайте.

И вот Гариф Манеев прибыл со своим чемоданом в Калининский район. В своей комнате он расставил книги, с которыми никогда не расстается. Квартирная хозяйка заметила ему:

— Да у тебя в чемодане, видно, кроме книг и нет ничего.

Гариф отвечал ей улыбкой.

В Калининской МТС оказалась уйма работы. И район и МТС вновь организованы. Здесь все надо создавать заново. Гариф принялся за работу, засучив рукава.

Калининский район один из самых плодородных районов Татарии. Однако, здесь из зерновых культур, кроме ржи, овса и ячменя, ничего не засевалось. Здесь широко было распространено мнение, что пшеница не будет расти.

Гариф Манеев, совместно с другими агрономами района, начал борьбу за пшеницу, за высокие урожаи, за наибольшее, наилучшее использование земли.

Сколько в колхозах нерадиво выбрасывалось, не использовывалось навоза! А сколько зря уходило с полей снеговой воды! Минеральные удобрения не применялись. Некоторые колхозы были против сбора птичьего помета, приготовления навозной жижи. Особенно они настроены против фекалия.

—Что же это за фекаль?—говорили они.—Нет, этого не надо. Он сожжет хлеб. Знаем мы это. Видали. После него, как будем кушать хлеб? Наверное, запах будет от него...

Гариф разъяснял, старался убедить колхозников.

— Говорить-то ты хорошо говоришь, Гариф,—отвечали колхозники,—а вот что получится у тебя? Давай-ка делать так, как мы делали. Что ни говори, у нас опыт есть, много перевидали на своем веку.

Пришлось долго, упорно бороться за каждое агрономическое мероприятие. Опираясь на колхозный актив, с его помощью Гарифулла всюду доказал полезность своих мероприятий в деле повышения урожайности. Одновременно колхозы стали сеять высокосортными семенами.

Результаты получились неплохие.

На колхозных землях, которые обрабатывались МТС, в 1937—38 г. было получено 11,75 центнера зерновых с гектара. В колхозе им. Молотова урожай достиг в среднем 14 центнеров, в колхозе «Удар» — 14,82 центнера.

В 1937 году в 16 колхозах МТС было выделено 28 участков высокого урожая. В результате правильно примененных агротехнических мероприятий в колхозе им. Молотова с 2 гектаров сняли урожай овса по 40 центнеров с гектара, в колхозе «Удар» — с 16 гектаров по 34 центнера ржи, с 10 гектаров по 33 центнера пшеницы, в колхозе «Первое мая» — с 1 гектара 35 центнеров пшеницы. В остальных колхозах МТС урожай достиг на отдельных опытных участках такой же высоты.

В 1940 году выделили участки высокого урожая в 37 колхозах. Уход за ними осуществляется повседневно звеньями ефремовцев. Сейчас они борются за еще более высокие урожаи. В колхозе «Кзыл Тан» звено Хисамова надеется снять с участка в 7 гектаров по 80 центнеров пшеницы с гектара, а бригада Ахлеева в колхозе «Правда» с 6 гектаров — по 70 центнеров.

Гариф Манеев руководит работой каждого колхоза. Он знает, что колхозы делают сегодня и что им надо сделать завтра. Колхозники с любовью слушают его советы и уважают его. Да, кроме того, частенько обращаются к нему и с вопросами, ничего общего не имеющими с агрономией.

— Товарищ Манеев всегда дает дельные, хорошие советы, — говорят колхозники.

Гариф Манеев в 1939 году участвовал на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке и был награжден Большой золотой медалью.

В прошлом году Гариф Манеев проводил свой отпуск на пароходе линии Москва—Уфа. Здесь он неожиданно

встретился с бывшими односельчанами из д. Чирки-Гришино.

— Гарифулла, ты ли это. Так ты жив? А мы думали, что...

— Как видите, я...

— А братишка?

— Братишка тоже жив. Работает агрономом в Шереметьевском районе.

— А мы считали вас погибшими еще в двадцатом году. Частенько вспоминали, жалели.

Сельчане рассказали о своем колхозе, о деревенских делах. Вспомнили детские годы Гарифа.

— С покойным твоим отцом мы вместе лямку тянули. В Уральских шахтах работали,—сказал один,—очень прилежный был, работающий твой отец. Всю жизнь о лошади мечтал. Да так и не видал счастья. Если бы жив был, вот бы радовался сейчас...

— Время такое было,—говорил Гариф.—Мне тоже жаль отца. Разрывается сердце, когда вспомню о нем. Бедняга, рано умер он. Если бы не умер, и он нашел бы свое счастье...

А. Шамов.

Перевод с татарского М. Елизаровой

РЯДОВОЙ БОЕЦ ПЕРЕДОВОЙ НАУКИ.

«Три обязанности лежат на враче, желающем идти в ногу с жизнью. Он должен неустанно учиться и совершенствоваться в своей науке; он должен исключительно добросовестно относиться к больным и беречь их здоровье, как зеницу ока; он должен быть не ремесленником своего дела, а организатором борьбы за народное здоровье, должен быть общественником».

(«Правда».)

В тысяча девятьсот шестнадцатом году Леопольд Рахлин окончил Саратовскую мужскую гимназию. Молодой человек мечтал в те дни о карьере инженера-кораблестроителя. Этим, дерзким по тому времени, мечтам юноши из глубокой «рассейской» провинции, да главное еще еврея, не суждено было сбыться. Правда, он с отличными баллами выдержал экзамены на кораблестроительном отделении Петроградского политехнического института Петра Первого; правда, по жеребьевке он оказался в числе нескольких счастливицев—еврейских юношей, принятых в институт по процентной норме, установленной для евреев, но раздумье овладело молодым Рахлиным:

«Ну, хорошо. Кончу институт... Получу диплом инженера... А дальше что? Судьба дяди?»

Перед глазами еще и еще раз вставала жизнь неудачника-дяди, инженера-технолога, очень способного, более того — талантливое специалиста, но... еврея. И вот это мешало дяде. Всю жизнь тщетно обивает он пороги предприятий, подыскивая работу по специальности, и служит... агентом по сбыту сахара. Нет, лучше что-нибудь другое...

И поезд снова несет молодого Рахлина в родной Саратов, а там — университет, медицинский факультет. Так повернулась судьба этого человека. Так началась его история.

Революция распахнула дверь в науку. В 1922 году Леопольд Матвеевич окончил Казанский университет. Он остается ординатором при клинике внутренних болезней и работает здесь под руководством профессора Лурия и Темницкого. Вскоре он слушает лекции по электрофизиологии известного казанского ученого Александра Филипповича Самойлова. Молодая, многообещающая наука захватывает Леопольда Матвеевича.

В одном «безнадзорном» шкафу клиники он находит какой-то простенький и старенький прибор, немного его совершенствует и начинает записывать кривые венного пульса. Записать показатели — только начало дела. Молодого научного работника это не удовлетворяет. Надо подвергнуть их анализу. Только тогда они могут принести пользу. Так свою врачебную практику Леопольд Матвеевич старается сочетать с научными изысканиями.

Строгий и исключительно требовательный к своим сотрудникам, Александр Филиппович Самойлов подмечает эти черточки в характере Рахлина.

— Вы — способный человек, вам можно доверить многое.

И молодой Рахлин много часов проводит в лаборатории. Под руководством А. Ф. Самойлова он начинает работать над вопросом «об изменении электрокардиограммы при раздражении симпатического нерва». Этот, если можно так сказать, юношеский труд, конечно, не вошел в историю науки, но в творческой биографии Рахлина он занял почетное место. Он помог выбрать направление работы, определить путь ученого. Этим путем была электрофизиология. Рахлин задался целью изучить элек-

трофизиологическую методику в диагностике. В этой молодой области науки и сейчас разворачивается его кипучая деятельность. Он помнит слова замечательного русского ученого Климентия Аркадьевича Тимирязева, что «избранники, занимающиеся наукой, должны смотреть на знание, как на доверенное им сокровище, составляющее собственность всего народа». Всей своей жизнью служить народу—такова жизненная цель.

* * *

Восемнадцать лет тому назад Леопольд Рахлин пришел на работу в Казанский институт для усовершенствования врачей. Было время разрухи. Молодым ученым—теперешней старой гвардии института—приходилось голодать и в то же время учиться и создавать науку. Находились старые профессора, которые отказывались работать в институте: «Что это еще за совакадемия?» Но в институт охотно шли молодые врачи, стремившиеся к научной деятельности. Они с большим энтузиазмом брались за дело.

Все приходилось создавать вновь. Возникали различные препятствия, затруднения. Для новой лаборатории потребовалось помещение. В подвале дома, занимаемого институтом, бывшего до революции банком, обнаружили темный и грязненький склад. Раздобыли щетки да тряпки и привели помещение в мало-мальски приличный вид. Позднее на складах одного казанского завода Рахлин случайно обнаружил импортный струнный гальванометр. Долго пришлось его выпрашивать. Кое-как собрали лабораторию. То, что нельзя было достать, изготовляли сами. Нашлись золотые руки. Казанский мастер Петр Иванович Петров изготовил, например, один аппарат по чертежам научных работников лаборатории, ничем не уступающий лучшим немецким образцам.

— Вот он,—наш, советский, казанский... Детище наших рук,—поглаживая холодную сталь сложной конструкции, задумчиво говорит Леопольд Матвеевич.—Да и вся лаборатория—наше детище, наша гордость. Не правда ли, она немножко напоминает завод?

Так создавался институт.

... Мы в институте. На обычную, амбулаторную, белую койку, прикрытую клеенкой, укладывают женщину. Ее

руки и одна нога погружаются в ванночки с водой. В комнате гаснет свет. Включается электрокардиограф. И вот на небольшом экране, в тускло-сером пятне мелькает тоненькая полоска. Эта, увеличенная в тысячу раз, микроскопическая струнка гальванометра проявляет странную подвижность. Оказывается, на экране мы наблюдаем, как пульсирует сердце женщины. Умный аппарат записывает работу сердца на обычной киноплёнке. В лаборатории проявят эту плёнку, а затем профессор Рахлин либо кто-нибудь из его помощников «прочтут» записанное и помогут установить диагноз заболевания сердца. Ухо врача—изошрённое ухо, глаз наблюдателя, но очень часто и опытному врачу бывает трудно, а иногда и невозможно определить иное поражение сердца. И тут на помощь врачу приходит электрокардиография.

Медицине давно уже известно, что жизнедеятельность мышц, нервов, тканей организма сопровождается электрическими явлениями. Так, каждое биение сердца сопровождается определёнными типичными электрическими колебаниями. Нарушение хода процессов, лежащих в основе сокращения сердечной мышцы, изменяет течение электротоков. Эти очень слабые биоэлектрические токи регистрирует электрокардиограф—аппарат, построенный по принципу лампового усилителя.

Изучение токов в организме и особенно перенесение этого в клинику, требует специальных и капризных приборов. Сейчас в результате колоссального прогресса физики, техники регистрации слабых и быстрых токов мы имеем эти и, кстати сказать, прекрасные отечественные приборы.

— Электрокардиография,—говорит Леопольд Матвеевич,—заняла свое место в медицине. Сотни и тысячи сердечноболиных обращаются уже к нам. Пройдет немного времени, и этот аппарат можно будет встретить везде, где сейчас есть рентгеновская установка, проложившая путь себе уже во многие районные больницы и поликлиники. Уже начала свой клинический путь электроэнцефалография—запись токов мозга. Оказалось, что кривая этих токов—электроэнцефалограмма—отражает различное состояние мозговой ткани, имеет неодинаковый характер в различных отделах мозга. На этом основано применение электроэнцефалографии в нейрохирургии, разрабатываемое у нас в стране и за границей. Желудок в

своей работе является также источником электрических токов. Запись их—электрогастрография,—хорошо изученная на животных в лаборатории покойного казанского профессора Киселева, уже делает первые и многообещающие шаги в клинике. Те же перспективы имеет и электроэнтерография—регистрация электрических токов кишечника. Мы в своей лаборатории клинической электрофизиологии ставим все новые опыты, экспериментируем смело, несмотря на некоторые трудности. Перед нами—увлекательные перспективы, открываемые электрофизиологической методикой в диагностике.

У профессора, доктора медицинских наук, большевика Рахлина большой опыт, накопленный упорным трудом, за его плечами восемнадцать лет работы в институте, десятки и сотни научных экспериментов, 28 научных работ, преимущественно по клинической и теоретической электрокардиографии. Он работает с большевистской целеустремленностью и страстью, упорно преодолевая все и всяческие трудности, двигая вперед науку.

Не так давно в адрес института поступило письмо о болезни старого тетюшского врача Николая Яковлевича Соколова. Внимательно раз—другой перечитав письмо, Леопольд Матвеевич предположил заболевание у Соколова венечных сосудов сердца. Требовалось установить это точно.

— Эх, если бы да в Тетюшах был электрокардиограф... А нельзя ли его туда перебросить? Самолетом? Не было еще такого случая в истории, по крайней мере, у нас в Союзе. А мы попробуем!

И вот белокрылая птица бежит по зеленому полю, отрывается... Курс на Тетюши... Бережно, почти навесу, держат тяжелый, драгоценный аппарат ученые-энтузиасты Рахлин и Киселева. Как долго тянется время... Но вот под крылом самолета уже мелькают красные, зеленые крыши, колокольня бывшего тетюшского собора... Аппарат был доставлен в полной исправности. Опыт, первый в СССР, авиатранспортировки такого тонкого, чуткого инструмента, каким является электрокардиограф, удался, значит можно будет и дальше работать над проблемой использования электрокардиографии в санитарной авиации.

Это был тоже эксперимент. Дерзать!—таков девиз советского ученого.

Мы просим профессора рассказать какой-нибудь один из самых замечательных эпизодов его жизни.

— Самый замечательный?.. Это было в феврале 1934 года. Однажды я получаю телеграмму из Москвы. Мне предлагается возглавить санчасть в экспедиции Дирижабльстроя по спасению челюскинцев. Запрашивается мое согласие. Ну, конечно, согласен! И вот мы на пароходе «Сталинград» пробиваемся к бухте Провидения на Чукотке, идем в Уэллен. Потом около острова Матвея, в Беринговом проливе, нас затерло льдами. Дрейфовали целый месяц. Ветер рвал в клочья шапку седого дыма, что выбрасывали трубы корабля. Стоял свирепый мороз. Пурга слепила глаза. Льды наступали на корабль, мяли его нос, обрушивались на корму. Необъятные просторы царства ветра и льда, казалось, не выпустят нас. Весь экипаж жил напряженной жизнью авралов, следуемых один за другим. Перегружали уголь из первого трюма в четвертый и обратно. И так целыми днями. Мы—врачи, журналисты и кинооператоры—были в отдельной бригаде. Команда в шутку звала нашу бригаду «шашнадцатой ротой». Но «шашнадцатая» не подкачала! В соревновании всех корабельных бригад мы заняли первое место. В перерывах между авралами я вел занятия в кружке летного состава экспедиции по изучению решений семнадцатого съезда партии. Так, в напряженном, героическом труде шли дни. Тут вдали от большой земли, в небольшом, но сплоченном коллективе простых советских людей, охваченных непоколебимым стремлением к победе, испытал я особую радость жизни.

Профессор Рахлин не ограничивается только научной и врачебной деятельностью. Работа его наполнена жарким дыханием наших великих дней. В железнодорожной больнице—базе института усовершенствования—Леопольд Матвеевич организовал кружок врачей по изучению электрокардиографии. С докладами о своей молодой науке, имеющей большую будущность, профессор выступает перед медицинской общественностью Казани и крупных районных центров Татарии. Его наука молода, ее надо пропагандировать, продвигать вперед, в самые толщи народные. Леопольд Матвеевич ведет также большую общественную работу. Он руководит агитколлективом ГИДУВ'а, ведет кружок текущей политики, редактирует «Труды» института, часто выступает с различными

общественно-политическими докладами среди научных и технических работников. Рабочий день профессора насыщен богатым содержанием.

Высокое и почетное звание советского врача—борца за здоровье человека, за здоровье всего народа. Продлить жизнь человека нашей страны, вырвать у смерти для человечества миллионы солнечных дней, как мечтал об этом смелый новатор Платон Кречет,—какая задача может быть почетнее и благодарнее? Эта задача доверена врачу советским народом.

В сознании огромной ответственности перед народом живет и работает ученый, врач, педагог, большевик Леопольд Матвеевич Рахлин. Но, скажите, разве это какая-то особая биография—биография Рахлина? Разве большой жизнью, подобно Рахлину, не живут тысячи, сотни тысяч советских людей? На чем строится жизнь их, чем она крепка? Самое драгоценное и самое важное качество этих людей—позитивское отношение к своему труду. Можно хорошо, добросовестно работать, но все же еще будет отсутствовать одна очень важная сторона, обязательная для советского научного работника, в частности,—умение создавать особую атмосферу творчества. А создать ее можно только, любя свое дело и не прохладно любя, а страстно, вдохновенно. Именно такая любовь к труду двигает вперед Рахлиных, двигает их дело.

В. Дьяконов.

ИНЖЕНЕР
ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ
ДУШ.

Год назад известный татарский драматург Тази Гиззат был награжден орденом Знак Почета. Высокую награду советского правительства Гиззат получил за то, что своими выдающимися произведениями оказывает большую службу народу, строящему социализм. Его произведения глубоко народны, они насыщены идеями большевизма, они зовут на подвиги во имя родины, за счастье, в них — вся наша жизнь, полная величественных и волнующих событий...

* * *

Тази Калимуллович Гиззат (Гиззатов) родился в 1895 году в дер. Варзи-омга, Красноборского района, Татарской АССР. Детство его поистине трагично, как трагична была при царизме судьба каждого бедняка-татарина, находившегося под двойным гнетом — под гнетом русской и татарской буржуазии и кулачества.

Его отец Калимулла Гизатуллин был выходцем из дер. Кучуково (бывшего Елабужского уезда). В 1893 году, отслужив в царской армии, он переселился на жительство в Варзи-омгу и вскоре женился на дочери местного

крестьянина — Фатыхе Мухаметвалеевой. Вчерашний батрак и солдат, естественно, не имел «ни кола, ни двора» и поселился в доме тестя. «Кильмшак» — такую презрительную кличку давали в то время тем, кто приходил жить в дом жены. Над Калимуллой подсмеивались, его недолюбливали. Мальчики смеялись и над Тази:

— Эй, ты, сын кильмшака!

Уже в детстве Тази узнал нужду и горе...

Однажды Калимулла ударил объездчика — пьяницу и взяточника, недруга деревенской бедноты, и был приговорен к тюремному заключению. Фатыха осталась с шестью детьми, старшему из них, Тази, было восемь лет. Хозяева деревни — мулла, кулаки — лишили семью Калимуллы земельного надела. Тази и сейчас помнит, как мать вывела всех своих оборванных ребят на сходку и, рыдая, просила не отнимать у нее землю... «Ты — жена кильмшака, иди кормиться в Кучуково», — ответили ей. Потянулись дни, полные лишений, нужды. Восемилетний Тази стал нищенствовать, каждый кусок хлеба доставался ценой оскорблений и унижений.

Отец вернулся из тюрьмы больным и вскоре умер. Вся тяжесть заботы о семье легла на Тази. С двенадцати лет он начал батрачить: работал за гроши у мุลлы, у кулаков. Зимой учился в медресе. Ранним утром и ночью отапливал школу, подметал полы в классах, — нужно было заработать два рубля в месяц, чтобы заплатить налоги и земские сборы.

Подрос немного — стал ходить на заработки. Был в разных местах. Работал чернорабочим, дворником, грузчиком. Глубокой осенью пешком возвращался домой и с гордостью вручал матери 10—15 рублей, — весь свой заработок за весну и лето.

Подросли младшие сестры и братья. Тази решил идти в город. В 1913 году он поступил на Ижевский завод. Здесь он работал слесарем до весны 1919 года. Это были годы «становления», когда Тази уже сознательно смотрел на жизнь, когда намечал свой житейский путь. В это время он решительно, смело встал на сторону большевиков — людей, которые не щадили своей жизни, борясь за великое дело народа. Тази много читал, значительно расширил свой культурный и политический горизонт. Это был уже не деревенский забитый парень, а квалифицированный рабочий, сознательный пролетарий.

Однажды (это было в начале 1918 г.) Тази пошел в только что открытый «Ирек юрты» — Дом Свободы. Здесь он впервые увидел сцену. Ставилась пьеса на татарском языке «Бичара Бибизиган». Пьеса была слабой, недоделанной, актеры-самоучки играли плохо, но все же спектакль произвел на Тази огромное впечатление.

— И я буду работать в театре, — решил слесарь, вернувшись в тот вечер домой.

Через несколько дней руководитель кружка художественной самодеятельности предложил Тази внештатную должность суфлера труппы.

Тази с радостью согласился. Через несколько месяцев его допустили к участию в пьесе Галиаскара Камала «Буляк очен». В ней едко высмеивалась алчность татарской буржуазии. Тази исполнял роль старухи. Спектакль удался. Некоторое время спустя Тази успешно выступил в другом спектакле Г. Камала «Иляням, ник ойляндем». С этих пор Тази начал кропотливо изучать творчество татарских народных писателей — Г. Тукая, Г. Кулахметова, М. Гафури, Ш. Камала.

В то время в татарской художественной литературе окончательно еще не была разрешена проблема языка. Буржуазные националисты засоряли литературу арабскими, персидскими, османско-турецкими словами. Против этого выступали революционные писатели; они боролись за чистоту подлинного народного языка. Как известно, эта борьба завершилась победой революционных писателей. Тази приветствовал эту победу. Он восхищался талантливыми произведениями пионеров демократизации татарской речи, пламенных борцов за подлинно революционную народную литературу.

В 1919 году Тази был призван в Красную Армию. Был читчиком газет в Благовещенском полку. Служил рядовым красноармейцем в татарском батальоне. В следующем году он закончил шестимесячные курсы и окончательно перешел работать на сцену. С военной труппой он объездил десятки городов, где имелись воинские татарские части. После демобилизации, в 1923 году, Гиззат организовал татарскую труппу в Ульяновске, потом был директором и режиссером Елабужского городского театра, потом — актером в Московском рабочем татарском театре. Гастроли на Урале, в Донбассе. С октября

1929 года Тази Гиззат начал работать в Казани, в Татарском академическом театре.

Трудно перечислить роли, которые играл за эти годы Тази Гиззат. Сельский кузнец Гаяз в пьесе «Талир танка», старик Булат в «Наемщике», почтмейстер в «Ревизоре» Гоголя, главнокомандующий Мантонье в «Отелло» Шекспира, крестьянин-середняк Ахтмазян в «Бишбуляке»... С каждой пьесой, с каждой ролью Гиззат рос, совершенствовал свое актерское мастерство. Он и сейчас продолжает упорно работать над собой, пользуется каждым удобным случаем, чтобы посмотреть на талантливую игру Качалова, Москвина, Книппер-Чеховой и других великих мастеров русской сцены.

Казанский зритель хорошо знает и любит Гиззата-актера.

Но не это принесло Гиззату известность. Он больше известен в широких кругах общественности Татарии, как незаурядный драматург, как автор многочисленных популярных пьес.

Первую «пробу пера» он делал еще в 1920 году, находясь в Красной Армии. Всюду кипела ожесточенная борьба двух миров—старого и нового. Ну, как не воспеть эту величественную эпоху? Тази написал одно стихотворение, другое, третье. Но стихи не удавались, в редакциях татарских газет и журналов Тази неизменно заявляли:

— Слабы. Вам еще нужно много учиться...

Тази возвращался из редакций домой и целую ночь просиживал над произведениями Тукая, Гафури, стараясь постичь тайну творчества этих великих мастеров татарской художественной литературы. Учился Тази упорно, страстно.

Спустя несколько месяцев Гиззат написал пьесу о кулацком восстании. Он добросовестно изучил материал, долго работал над пьесой. Но и она оказалась неудачной. Ему сказали:

— Плохо. Печатать и ставить пьесу нельзя.

И вновь потянулись дни учебы, творческих исканий...

Гиззат вдумчиво изучал пьесы Г. Камала и Кулахметова, пьесы русских писателей—Островского, Чехова, Горького. Познакомился он и с произведениями иностранной драматургии—с Шекспиром, Ростаном, Расиным, Шиллером. Эта работа над трудами классиков была тем

более трудной, что Тази слабо, поверхностно знал русский язык.

Наконец, Гиззат пробил себе путь на сцену. В 1921 году он написал комедию «Су буенда», и ее с успехом поставил любительский татарский кружок. Это окрылило Гиззата. Он твердо решил быть драматургом. Еще упорнее, еще настойчивее стал работать над собой.

В 1922 году Гиззат написал пьесу, которая не сходит с татарской сцены и до сегодняшнего дня. Это «Талир танка» («Старинная монета»). Уже в этом произведении Гиззат выступил, как серьезный, вдумчивый драматург, хорошо изучивший и прочувствовавший окружающую действительность.

Прошло еще три года, казанский зритель увидел и услышал музыкальную пьесу Гиззата «Наемщик». Эта пьеса была принята зрителем восторженно. Все помнят, что в те дни имена Гиззата и композитора Сайдашева были, пожалуй, самыми популярными во всей Татарии. Пьеса «Наемщик» не сошла со сцены до сих пор, она ставилась и ставится не только в Казани, но и в театрах Оренбурга, Астрахани, Ташкента, Свердловска и многих других городов.

В чем «секрет» успеха пьесы «Наемщик»? В ее правдивости, в ее художественной и социальной значимости, в ее доходчивости до сознания зрителя. Яркими красками рисует в ней автор борьбу татарского народа со своими исконными врагами — царскими опричниками и кулачеством. Сандар и Батржан — провозвестники нового, организаторы деревенской бедноты, очень яркие фигуры, обладающие большой силой воли и неукротимой ненавистью к тогдашним хозяевам жизни. Призывным набатом, боевым кличем звучат слова Батржана, призывающего народ к открытому вооруженному восстанию.

В 1928 году Тази Гиззат написал новую пьесу «Иль усканда» («Когда растет страна»). Тема — коллективизация. В этом произведении автор показал все трудности, которые стояли на пути знаменосца колхозного строя, коммуниста, председателя волисполкома Самигуллы. Правда — за ним, но враги советской власти и артельного труда стараются очернить, оклеветать коммуниста, удерживать бедняков и середняков на пути старой единоличной деревни. Победил Самигулла, но эта победа досталась

ему недешево. Пьеса зовет к классовой бдительности, учит ненавидеть классовых врагов.

Этой же теме посвятил Тази Гиззат и пьесу «Биюк боролош» («Великий поворот»). Здесь мы видим уже не отдельных энтузиастов колхозного строя, а всю бедняцко-середняцкую массу, вставшую под знамя колхоза. Правда, среди них еще есть несознательные, в ходе борьбы они иногда льют воду на кулацкую мельницу. Но зритель видит, понимает: кулацкая банда будет сломлена, уничтожена, а колеблющиеся примут сторону своих товарищей по труду. Великий поворот совершился, и никакие силы не остановят колхозное крестьянство, руководимое партией Ленина—Сталина, в его победоносном движении вперед. Такую мысль утверждает автор в пьесе.

Сын бедняка, Гиззат хорошо знает быт крестьянства, его психологию. И не случайно он так часто возвращается к теме о крестьянстве («Буксир», «Бугулюш», «Акбаш», «Праздник победы», «Мактаулы заман» и др.). Не случайно эта тема доминирует в его творчестве. Все, что написал Тази Гиззат о тружениках земли, все это он пережил сам, глубоко продумал, прочувствовал. Он неустанно изучает фольклор, широко и умело использует в своих произведениях народные поговорки, пословицы, загадки, сказки — все богатство неиссякаемой творческой силы народа. Гиззат старается описывать только то, что он видел и знает. Вот почему его произведения полнокровны, жизненны, волнующи.

Интересную деталь сообщает о себе Гиззат. Оказывается, идею «Наемщика» ему подал ульяновский грузчик Калимулла. «Калимулла — мой соавтор», — говорит Тази.

Сколько таких неведомых соавторов, подлинных вдохновителей имеет сейчас каждый советский писатель, поэт, музыкант, актер. Народ, его мудрость, его страдания, борьба и победа над темными силами старого мира, — вот источник вдохновения для каждого писателя-патриота. Из этой сокровищницы черпает творческую силу и Тази Гиззат.

Гиззата глубоко интересует и волнует прошлое нашей родины. Еще в 1926 году он написал историческую пьесу «Бабер хан» из жизни ферганского хана. В «Бишбуляке» он описал черные дни белогвардейского террора в Тата-

рии. Сейчас он работает над исторической пьесой «Пламя», в которой будет рассказано о восстании тиганских (быв. Спасский уезд) крестьян в 1778 году.

...Тази Гиззату исполнилось 45 лет, он в расцвете сил и энергии. Он даст еще татарскому народу немало высокохудожественных произведений, описывающих весну человечества, могучую советскую страну, ее строителей.

Ст. Савосин.

ФАЗИЛЯ
ВАЛИДОВА.

...Одна из лабораторий Казанского химико-технологического института имени С. М. Кирова. В лаборатории— молодая женщина. Полузакрыв лоб рукой, она работает за небольшим рабочим столом, над которым висит таблица элементов великого русского химика Д. И. Менделеева. Позади—высокий, обычный для любой лаборатории, стол; на нем в кажущемся беспорядке расставлены колбы, реторты, пробирки, бутылки...

Женщина оторвала взгляд от какого-то чертежа, оглянулась.

— Да, Валидова... И это верно, — кандидат химических наук.

...Фазиля Гарифзяновна Валидова—одна из наиболее молодых и в то же время наиболее способных научных сотрудников института. Она прекрасный преподаватель и педагог. Жизнь ее чрезвычайно интересна и многогранна. Путь, пройденный ею, во многом поучителен для молодежи.

Отец Фазили—Гарифзян Хасанович—был умный, энергичный человек. Он смело, настойчиво пробивался по избранному пути в жизни. Стремясь стать сельским учителем, преодолевал все трудности. Под влиянием «жядита»—нового, передового в свое время направления в развитии та-

тарской школы, он наотрез отказался следовать за сторонниками «Кадыма»—сторонниками мулл, ишанов, татарских помещиков. Преподавать ему, однако, было негде: татарских т. н. светских школ не было, по всему Поволжью были только духовные школы—медресе. Это во многом повредило Гарифзяну Хасановичу, но не сломило его желания учить детей настоящей науке. Явившись к буинскому мулле, он попросил позволить ему давать уроки в медресе. Мулла разрешил, но вскоре передумал. Однажды, во время уроков он вместе с местными богатеями ворвался в класс, начал рвать буквари, кричать:

— Вот чему ты детей наших учишь?

Оскорбленный до глубины души, Гарифзян Хасанович покинул медресе. Он стал своеобразным кочевником, начал жить почти в полном смысле слова на колесах, переезжая из деревни в деревню. Вместе с семьей он кочевал по Поволжью и Уралу, продолжая «сеять разумное, доброе, вечное». И редко где задерживался больше года; муллы, узнав, что он преподает, изгоняли его. Учительствовал он в селах Симбирской губернии, Уфимского края, в степных деревнях около Царицына. Стойко перенося лишения, страдая за свою обрекаемую часто на голод и нищету семью, он настойчиво делал свое дело—учил детей разумному: арифметике, началам физики, родному языку, истории. И за это одни дарили его любовью, другие—ненавидели.

Ненависть к передовому учителю преследовала Гарифзяна Хасановича всюду. Его избивали за то, что, обучая арифметике, он писал знак $+$, похожий на крест. Его арестовывали белые за то, что он безбожник.

Но когда окончательно победила советская власть, «кочевая жизнь» семьи учителя Валидова закончилась. С энтузиазмом взялся Гарифзян Хасанович за настоящее, большое и любимое дело—учить детей в советской школе.

За годы советской власти он воспитал много замечательных людей, и только болезнь заставила его преждевременно прекратить свою плодотворную педагогическую деятельность. Сейчас он, по мере своих сил, работает в колхозе им. Красной Армии (Буинск).

Все сыновья и дочери Гарифзяна Хасановича вышли «в люди», стали крупными специалистами. Фазиля—кандидат химических наук, Халита—врач по детским болез-

ням, Камиль—инженер-механик, Сююмбека учится на 3-м курсе биологического факультета Казанского университета им. В. И. Ленина.

...Фазиля Гарифзяновна родилась в с. Бахтиаровском (Царицынской губернии). Восьми лет поступила в Буинскую начальную женскую школу. До этого она недолго училась в татарской школе. При поступлении в женскую школу Фазиля не знала ни одного русского слова. С пол-года не говорила по-русски. Фазилю—единственной татарке в школе—было трудно учиться, но унаследованные от отца упорство, настойчивость помогли, и она изучила русский язык. Учение стало быстро продвигаться вперед.

Любовь к знаниям, упорство в работе, уважение к учителям,—вот что было характерным для Фазили. В школе она проявляла большие успехи. В средней школе ее учили опытные преподаватели: Мария Федоровна Федорова—физике, Мария Васильевна Бальская—математике, Иван Васильевич Васильев—русскому языку. Девушка успешно овладевала знаниями.

Закончена средняя школа. Проработав год в деревне, Фазиля Валидова приехала в Казань, чтобы продолжить образование в университете им. В. И. Ленина.

Начались экзамены. Фазиля отвечала хорошо, и профессора с любопытством смотрели на нее,—она была первой татарской девушкой, вступившей под своды старинного университета. Фазиля выдержала испытания. Радостная, она вернулась к родным, торжествуяще объявила:

— Поздравляйте! Буду химиком.

Любовь к науке окрашивает все в яркие, живые цвета. Фазиля не замечала, как летело время. Она была счастлива.

Трудолюбивая Фазиля Валидова училась настойчиво. С увлечением изучала она аналитическую химию. Окончив второй курс университета, она поехала в Арск преподавать химию на курсах сельских учителей. «Химия—наука чудесная, с великим будущим»—уверенно поучала она своих слушателей.

На следующем курсе Фазиля Валидова изучает органическую химию. Эта отрасль обожаемой ею науки привлекает ее особое внимание. Фазиля начинает специализироваться в ней. Она работает у профессора А. В. Арбузова. Человек он строгий, ценит в людях знания, дело-

витость, научную смелость, любознательность. Фазиля обладала этими ценными качествами.

Первая практика—на крупном кожевенном заводе. Усердно работала Фазиля Гарифзяновна над анализами, тщательно изучала качество продукции. Потом опять учеба и начало подлинной научной работы под руководством проф. Арбузова. Она работала по терпенам, по циклу ментолов. Затем вновь выехала на практику — на канифольно-скипидарный завод «Вахтан».

30 августа 1930 года Фазиля Гарифзяновна закончила химический факультет Казанского университета им. В. И. Ленина. Впервые за свою вековую историю университет подготовил химика-татарку. Осенью Фазиля Гарифзяновна уже начала работать в аспирантуре вновь созданного в Казани Химико-технологического института при кафедре органической химии. Продолжая свою теоретическую учебу, она спокойно и уверенно приступила к самостоятельной научно-исследовательской работе, избрав сложную и ответственную тему по проверке метода немецкого химика Аншюца. Ей предстояло улучшить способ получения эфиров фосфористой кислоты.

Профессор Арбузов учил молодую аспирантку, как и других своих учеников, работать неустанно, упорно и смело. Он говорил:

— Чтобы быть настоящим химиком, надо работать вдвое—втрое больше, чем другие...

Фазиля Гарифзяновна поступала так, как учил профессор. Она делала десятки, сотни опытов. Многие из них были неудачными, но это не останавливало ее.

Работу пришлось прервать из-за поездки на аспирантскую практику. Фазиля уехала в Ленинград, на завод синтетического каучука «Литер Б», к знаменитому профессору Лебедеву — изобретателю советского синтетического каучука. Там она познакомилась с процессом производства и затем начала работать над темами, имеющими значение для удешевления его продукции и улучшения ее качества.

1939 год был наиболее ярким в жизни Фазили Гарифзяновны. В торжественной обстановке перед Ученым советом института в присутствии научных работников и студентов города она удачно защищала свою диссертацию на тему «Алкилпирокатехиновые» (эфиры фосфористой кислоты). Ее оппоненты — доцент Евлампиев и

профессор Васильев—дали свои отзывы. Множество вопросов заставили Фазилю Гарифзяновну сильно волноваться, но ее поддерживал учитель—профессор Арбузов, и она, успокоенная, давала деловитые ответы на самые сложные вопросы. В итоге закрытого голосования ей единодушно присвоили звание кандидата химических наук. За девять лет, прошедших со времени организации института, она первой среди научных работников получила это высокое звание. Она была первой женщиной-татаркой, защищавшей диссертацию по химии.

Фазиля Гарифзяновна не только исследователь и теоретик, но и энергичный общественный работник. Она работает в секции научных работников, профоргом, членом месткома, агитатором, читает доклады в научных студенческих кружках, на заводах для рабочих, в Менделеевском обществе, на конференциях женщин—научных работников. Фазиля Гарифзяновна — депутат Казанского городского совета депутатов трудящихся. Честно, неустанно служит она народу на высоком посту депутата.

...Уверенно идет по своему жизненному пути Фазиля Гарифзяновна Валидова, являя собой один из чудесных образцов советской женщины. Она пользуется любовью и уважением всех, кто знает ее—передовую дочь своего народа.

Н. Гусев.

ТАЛАНТЛИВЫЙ АКТЕР.

Нерадостным было детство Халила. Отец был бедный крестьянин: семья жила в постоянной нужде, терпела большие лишения. До 12 лет Халил жил с родителями в нищей деревне Мустафино (б. Оренбургской губернии). Голод 1906 года заставил семью покинуть родину и идти «искать счастья» в городе.

Добрались до Оренбурга, но счастья здесь не нашли. Неласково, неприветливо встретил капиталистический город бедную крестьянскую семью. Довелось ютиться в землянке под мечетью. Отец занимался плотничеством, а маленький Халил, как мог и умел, помогал ему.

— Эх, тяжела-горька наша жизнь,—вздыхал усталый отец, когда на столе оставался последний кусок черствого хлеба.

По совету отца Халил поступил «мальчиком» в магазин. Через несколько лет купец облагодетельствовал его—сделал приказчиком.

Один за другим проходили безрадостные годы. Однажды товарищи сказали Халилу:

— В город приехал цирк. Пойдем?

Что такое цирк? Что в нем делают? Халил никогда не видел цирка. Юноша пока что только и знал в жизни,

что ворочал в хозяйской лавке мешки, ящики и кули с раннего утра до позднего вечера.

Но вот Халил впервые в цирке. Халила поразило красочное убранство цирка, яркие костюмы артистов. Он видел наездниц и жокеев, «рыжего» и музыкальных клоунов, жонглеров и акробатов... Халил не сводил глаз с арены. Глубоко врезалось в память выступление сатирика Виталия Лазаренко.

— Удивительные люди!—восторгался Халил.

В другой раз товарищи зазвали Халила в татарский театр. Тут он впервые увидел «Женитьбу» Гоголя.

Театр взволновал и пленил Халила. С того дня он стал его завсегдатаем, горячим поклонником. Его неотвязно стала преследовать мысль сделаться актером.

И юный Халил, увлеченный заветной мечтой, стал настойчиво, упорно стремиться к цели. Он завел знакомство с театральным миром, стал общаться с актерами.

В 1916 году, когда Халилу исполнилось 18 лет, он познакомился с руководителем бывшего тогда в Оренбурге татарского театра «Ширкат» («Товарищество») и попросил принять его в труппу «хоть кем-нибудь».

Было назначено испытание. Молодому Халилу дали роль пожилого маклера в двухактной комедии Терегулова «Путешествие в Казань». Два дня репетировал, на третий пришлось выступать в спектакле.

—Играл я тогда,—вспоминает актер,—можно сказать, не помня себя. У меня захватило дыхание при виде зрительного зала. Я знал, что он полон глаз, пристально устремленных на сцену, на каждого артиста. Все кружилось передо мной.

— Больше спокойствия!—говорили старые актеры.

Но спокойствие не приходило, и Халил сильно волновался весь спектакль.

«Провалюсь,—сверлила голову мысль.

Так и вышло.

Вместо радости дебют принес огорчение. Халил Абжалилов сыграл роль неудовлетворительно. Режиссер вынес жестокий приговор:

— Хороший актер из тебя, брат, не выйдет. Нет таланта, огня. Можно сказать: «как не садитесь, а в музыканты не годитесь»...

Но это беспощадное заключение не убило в молодом

Халиле Абжалилове стремление к театру. Наоборот, оно вызвало упорное решение не покидать сцены.

— Артистами не рождаются, а делаются,—думал Халил.—Не удалось первое выступление—удастся второе, третье.

И Абжалилов начал работать над собой. Настойчиво, упрямо. Молодой человек старательно и вдумчиво учился у старших актеров. Дни и ночи просиживал за чтением книг. Торопливо и жадно впитывал в себя культуру, знания.

Настойчивость и старания принесли прекрасные плоды. Спустя короткое время имя Халила Галеевича Абжалилова стало завоевывать все большую и большую популярность в театральном мире, его хорошо узнала и полюбила публика.

Татарскому театру близка драматургия А. Н. Островского. Еще до революции Галиаскар Камал перевел на татарский язык ряд его произведений. В 1917 году в Оренбургском театре ставилась пьеса «На пороге к делу». Халил Галеевич исполнял роль старшины. На этот раз молодой актер одержал блестящую победу. В антракте после первого акта за кулисы пришел известный татарский писатель Шариф Камал.

— У вас, кажется, новый актер?—спросил он руководителя театра.

— Да. Халил Абжалилов.

— Можно поздравить его с большим успехом.

Как выдающийся актер, Халил Галеевич Абжалилов полностью проявил себя после Октябрьской социалистической революции, вызвавшей к жизни лучшие, созидательные, творческие силы трудящихся.

За годы советской власти создались новые национальные театры. На развитие их Халил Галеевич положил много труда.

Октябрьская революция застала Халила Галеевича в Оренбурге. Старый татарский театр, где он работал, начал распадаться.— часть актеров перебежала в лагерь белогвардейцев. Тогда Абжалилов принял смелое решение: не просто воскресить татарский театр, а создать новый, советский. В этом деле он проявил себя, как незаурядный организатор. Со свойственной ему энергией, приступил он к задуманному делу, стал собирать актеров, приглашать способных любителей. Работая без усталости, он до-

вольно быстро составил крепкую труппу, способную давать хорошие спектакли.

Но где играть? Татарский театр не имел помещения. Халил Галеевич не опустил рук, он нашел выход: под театр было взято заброшенное, полуразваленное помещение кино «Фурор». Произвели капитальный ремонт здания, устроили подходящую сцену, зрительный зал, приобрели обстановку. Здесь Халилу Абжалилову как нельзя лучше пригодились его старое плотничное ремесло. Он сам взялся за топор и рубанок, сам делал для театра необходимые вещи. Ему охотно помогали другие энтузиасты, любящие театр. Когда дело дошло до декораций, Абжалилов, чтобы помочь художнику, тоже работал кистью.

— Как ни трудно, а своего добьемся, — ободрял всех Абжалилов.

Так создавался в Оренбурге «Восточный театр». Свои спектакли он начал пьесой «Галия Бану». Театр быстро окреп и завоевал большое внимание трудящихся.

1918 год. Абжалилов приехал в Бузулук. Он работал при политотделе одной из частей Красной Армии. Здесь он получил задание: организовать в Бузулуке первый государственный татарский театр. Актер, в гимнастерке и галифе, с большой охотой взялся за порученное дело и выполнил его с честью.

Созданный в Бузулуке театр выступил с новым репертуаром, близким эпохе. В пьесе Г. Камала «Бахетсез Джегет» Абжалилов с шумным успехом исполнил характерную роль старого Каримбая. Успех еще более окрылил. Руководя театром и работая режиссером, Халил Галеевич в то же время оставался актером, являясь лучшим в труппе исполнителем ведущих ролей.

Абжалилов мечтал о широчайшем развитии татарского театра и отдавал ему все свои творческие силы и способности. Он старался сделать национальный театр близким и доступным широким массам, он настойчиво продвигал в массы новую социалистическую культуру. Театр часто выступал в воинских частях на фронте. Там он встречал самый душевный, горячий прием бойцов и командиров, боровшихся за молодую советскую власть.

Из Бузулука театру пришлось переехать в Оренбург. В это время шли ожесточенные бои с белогвардейцами. Трогательную заботу о театре, об актерах проявили красные бойцы. Специальные отряды кавалерии оберега-

ли театр в пути от белобандитских налетов, переправляли через Урал, укрывали в лесах и, таким образом, дали возможность благополучно добраться до места.

Наступил 1920 год. Политуправление Заволжского военного округа командировало Абжалилова в Ташкент. Цель поездки — организовать узбекский театр. Перед отъездом в новое место, Халил Галеевич попрощался в Оренбурге со своими зрителями — выступил в спектакле «Алим, крымский разбойник». Спектакль прошел с небывалым подъемом. Театр был переполнен. Публика тепло приветствовала любимого актера, преподнесла ему много подарков...

Через несколько дней Абжалилов был в Ташкенте. Здесь предстояло провести огромную работу. Здесь никогда не было национального театра. Нужно было создать театр, подобрать и воспитать кадры молодых актеров.

Настойчивость, упорство и здесь одержали верх. Своими трудами Абжалилов положил начало существованию в Ташкенте академического театра имени Хамзы. В этом театре сейчас немало учеников Абжалилова; некоторые из них заслужили высокие награды советского правительства: одним присвоено почетное звание народных артистов, другие награждены орденами.

Халил Галеевич Абжалилов организовал также национальные театры в Бухаре и Хорезме. И здесь приходилось преодолевать большие трудности, особенно — в Бухаре. Это был город, где хозяйничали муллы и торговцы — злейшие враги новой культуры. Они всячески противодействовали организации театра, они хотели держать народ в темноте и грозили Абжалилову:

— Мы выбросим тебя, проклятый большевик, за крепость!

Угрозы, конечно, не действовали. Абжалилов неотступно, решительно шел к намеченной цели. Он организовал национальный театр, подобрал актерские кадры. Первые силы черпались из состава учащихся бухарской партийной школы. Среди молодежи нашлось немало способных и даровитых людей, которые впоследствии стали прекрасными актерами.

В конце 1922 года Халил Галеевич был демобилизован из Красной Армии. Один сезон он выступал в Астраханском татарском театре, а потом, по приглашению народ-

ного комиссариата просвещения Бухарской республики, вновь возвратился в Бухару, где организовал бухаро-русское кинематографическое товарищество. В 1925 году это товарищество реорганизовалось в Узбекский кинострест.

В этот период Халил Галеевич проявил себя, как талантливый киноактер. Он снимался в известных картинах: «Минарет смерти», «Шакалы равата», «Крытый фургон», «Вторая жена» «Из-под сводов мечети», «Чья власть?».

— Меня и сейчас привлекает кино, — говорит Халил Галеевич. — Ведь оно так близко и доступно народу.

В 1928 году Абжалилова пригласили в Казань. С того времени и по сей день он работает в Татарском государственном академическом театре. Трудящимся Татарии хорошо известно имя Халила Галеевича Абжалилова, как талантливого артиста. Он сыграл много разнообразных ролей. Осип в «Ревизоре» Н. В. Гоголя, капиталист в комедии «Банкрот» Галиаскара Камала, шахтер Халил в драме «Воронье гнездо» Шарифа Камала, старик в «Ташкыннар» Тази Гиззата, крестьянин в «Шамсикамар» Б. Аблеева, староста в «Чаткылар» Тази Гиззата, Карл Моор в «Разбойниках» Шиллера, Кадермат в «Испытании» С. Баттала, — все эти роли Абжалилов проводит с большим художественным мастерством, с большим успехом. Он создал много высокохудожественных образов, отличающихся жизненной правдой, реалистической простотой и глубокой убедительностью.

В последнее время в репертуаре Татарского государственного академического театра появилась новая пьеса Н. Исанбета — «Хужа Насретдин». Роль Насретдина исполняет Халил Галеевич Абжалилов. Он создал прекрасный образ остроумца Насретдина. Он играет его просто, тепло, захватывая все внимание зрителя и покая его своим искусством.

Советский театр является величайшим фактором культурной революции и культурного строительства. Все более повышается роль театра, как органа политического воспитания масс, органа пропаганды и агитации. Х. Г. Абжалилов никогда этого не забывает, и поэтому в каждую роль вкладывает весь свой кипучий темперамент, все свое мастерство, стараясь наиболее ярко рассказать со сцены о правде жизни.

Абжалилов — неутомимый труженик. Он много и упорно работает над собой, на сцену выходит лишь после того, как добьется наибольшего творческого эффекта. Каждый образ он старается создать как можно красочнее, колоритнее. Каждую роль он согревает своей внутренней страстью, вдохновением. Его творческий успех — результат вдумчивой работы, постоянных, кропотливых исканий и совершенствования своего мастерства. А силы для такой работы есть: жить и творить для народа — высшее счастье художника.

...Указом Президиума Верховного Совета ТАССР Халилу Галеевичу Абжалилову присвоено звание заслуженного артиста Татарской республики. Это — яркое свидетельство заботы партии и правительства о росте и процветании социалистической культуры.

— Полученное звание, — говорит Халил Галеевич, — является для меня великой наградой за ту работу, которой я посвятил мою жизнь. Оно налагает на меня большую ответственность. Мой долг — творить правдивое, близкое народу искусство, проникнутое идеями партии Ленина — Сталина.

Халил Галеевич — кандидат ВКП(б). Идеями большевизма проникнута вся его творческая работа.

Двадцать четыре года работает Халил Галеевич на сцене. Октябрьская революция широко раскрыла перед ним двери в искусство, а он, благодаря своей настойчивости, добился в нем крупных успехов, занял в нем почетное место.

Н. Соколов.

МИХАИЛ ИЛЬИЧ ГАРКАВИ.

Летом 1939 года инженер завода СК-4 им. Кирова Михаил Ильич Гаркави был вызван в Москву. С волнением и радостью он подъезжал к столице. Этот город, первый город родной страны, всегда вызывал в нем чувство гордости за советского человека, преобразующего жизнь. Теперь же он казался ему еще более величественным, близким, родным.

Когда же Гаркави вошел в ворота Кремля, в нем поднялась целая буря новых ощущений и мыслей. Он остановился, не в силах сдержать взволнованного биения сердца.

Отсюда—из Кремля—великий Ленин руководил гигантской борьбой рабочего класса и крестьянства за освобождение, за счастье. Здесь рождались и рождаются гениальные планы переустройства жизни. Здесь штаб, который вел и ведет народы к победам коммунизма. Здесь живет и работает на благо всего человечества Сталин. Отсюда, с высот Кремля, видна вся многообразная, кипучая жизнь страны. Здесь замечают и оценивают по заслугам труд каждого человека. Здесь заметили и оценили труд и инженера завода СК-4 им. Кирова Михаила Гаркави.

За эти несколько больших, радостных минут, проведенных перед зданием Большого Кремлевского дворца, Михаил Ильич вспомнил и снова пережил всю свою жизнь.

* * *

Началась она в Казани, в семье ветеринарного врача. Он был седьмым членом семьи. Заработка отца еле-еле хватало. А когда Миша начал учиться, жизнь стала еще трудней. Чтобы одеть мальчика в форменный костюм, чтобы обеспечить его учебниками, потребовались дополнительные деньги. И Миша видел, как мать, тяжело вздыхая, вынимала из сундука вещи и несла их в ломбард.

У Миши родилось сознание своего долга перед матерью, перед отцом, сознание обязанности учиться хорошо. Он говорил матери:

— Вырасту большой, окончу школу, тогда заживем лучше.

Он учился прекрасно. Особенно его увлекали математика, физика, химия. Даже дома он производил различные опыты, пробовал, в частности, изобрести порох. Однажды, в результате таких опытов, произошел взрыв. Миша очень испугался, но через несколько дней снова, уже украдкой от родителей, доканчивал начатые эксперименты.

И только один предмет приносил мальчику огорчения—«закон божий». Он никак не мог себе представить, чтобы Илья пророк катался по небу на колеснице, чтобы из глины был сделан живой человек. Он пытался высказать свои сомнения и получал от попа «кол» или «двойку». Только по вине попа Миша просидел два года в одном классе.

С переходом в шестой класс у Миши Гаркави окончилось детство. Он стал уже почти «взрослым», самостоятельным. Он брал уроки в купеческих семьях, где репетировал тупоумных, малоспособных сынков. За это он получал тарелку супа и двугривенный. Это была первая поддержка родителям.

В 1915 году 17-летний Гаркави, закончив реальное училище, поехал в Москву. Здесь он сдал экзамены в Высшее техническое училище.

Началась обычная жизнь студента-бедняка. Между лекциями он бегал из одного конца города в другой, го-

товил гимназистов в университет. Изредка позволял себе роскошь — покупал билет на галерку в каком-нибудь театре.

Здесь, в Москве, он увидел первый самолет. Произошло это случайно во время загородной прогулки. Самолет плавно спустился на поле и, пробежав несколько сажен, остановился. Миша очарованно смотрел на чудесную птицу...

Научиться летать, побеждать воздух, как орел, носиться над облаками,—эта мечта захватила Мишу. В ней было что-то гордое, высокое, благородное.

В те дни в Высшем техническом училище преподавал курс аэродинамики «дедушка русской авиации» — профессор Жуковский. По желанию студентов, профессор стал дополнительно читать лекции по теории авиации. Михаил Гаркави слушал их с восторгом. Перед ним открылась новая, увлекательная область человеческих знаний.

В 1916 году Михаила Ильича мобилизовали в армию. Сначала он учился в Севастопольской летной школе, а через некоторое время — в Петербурге, в школе морской авиации.

Учеба давалась нелегко. За малейшую ошибку жестоко наказывали: сажали в карцер, ставили под ружье. Разные приходилось переносить издевательства. Лейтенант Фриде заставлял курсантов-матросов вытаскивать из старых, вышедших из строя, самолетов шурупы. Норма была высокая: 1000 штук в день. Шурупы были ржавые, вытаскивать их было чрезвычайно трудно, но Фриде приказывал:

— Отверткой не возьмешь — тащи зубами!

Все это переносил Гаркави во имя одного: желания когда-нибудь сесть на самолет, взвиться в небо, к облакам!

Это время настало. Два часа он был в воздухе. Казалось, уже все знает, все постиг. Но в самостоятельный полет его не пускали: рано еще!

Но вот ему дали для управления летающую лодку. Она только что вышла из ремонта: незадолго перед этим пилот, летавший на ней, потерпел аварию.

Михаил Ильич сел у штурвала, в заднюю кабину положили мешок с песком — балласт, запустили мотор, и лодка оторвалась от воды. Трудно передать словами чувства человека, который, наконец, увидел, что мечта

его осуществилась. Гаркави был горд собой, он ощущал в себе большую силу, заставлявшую механизм повиноваться, быть покорным, послушным орудием.

После экзаменов штаб морского командования направил молодого летчика в Черноморский авиационный отряд. Великая социалистическая революция застала Гаркави на фронте. Он с радостью принял Октябрь, и его самолет первым в эскадрильи взял курс к новой жизни.

* * *

Молодая Советская республика самоотверженно боролась против интервентов, против отечественной контрреволюции. Пламя гражданской войны разгоралось. Руководимые Лениным и Сталиным красные полки героически защищали завоевания Октября. Люди шли с заводов, шахт и полей, брались за винтовки и пулеметы, в огне сражений обучались искусству побеждать. Но уже назревала неотложная необходимость подготовить квалифицированные кадры красных воинов, могущих использовать современную технику.

Михаил Гаркави целиком отдал себя подготовке молодых советских летчиков. Он командовал Одесским тренировочным отрядом.

Весь свой опыт и знания он передавал начинающим пилотам. Приходилось теорию сочетать с боевыми действиями. Не раз тренировочный отряд отрывался от своих обычных занятий и получал боевые приказы.

Был такой случай. На Херсонщине вспыхнуло офицерско-кулацкое восстание. Гаркави вместе со своим учеником, выполняя приказ командования, полетел на Херсон, чтобы подавить белобандитов. Он почти достиг цели, как вдруг остановился мотор. Гаркави не растерялся. Выбрал удобную площадку, планируя, приземлился. В ближайшей деревне гремел набат: белые громили крестьянские избы. Летчики немедленно принялись проверять мотор.

К самолету подбежало несколько рыбаков. Они предупредили, что бандиты близко, их шайки рыскают по всей окрестности, расстреливая коммунистов. Рыбаки настойчиво советовали летчикам скорее скрыться.

В самом деле, через несколько минут показался многочисленный вооруженный отряд. Опасность быть захваченным в плен, подвергнуться жестокой расправе каза-

лась неминуемой. Гаркави быстро, но спокойно испытал еще раз мотор. Он дал хлопок. Еще раз запустил его, и пропеллер, бешено разбивая воздух, закрутился.

Банда была уже близко. Но самолет тронулся, оторвался от земли. Сделав полукруг, самолет пошел бреющим полетом над бандой, громя ее пулеметным огнем.

Задание было выполнено блестяще.

* * *

Прошел год. В Крыму появился Врангель. Собрал эскадру, он двинул ее на Одессу, чтобы здесь высадить десант. Гаркави получил приказ разбомбить прибывшие в Егорлыкский залив вражеские военные корабли.

Михаил Гаркави летел вместе с механиком, комсомольцем Кисель. Внизу, насколько охватывал глаз, расстилось сверкающее летним солнцем небо. Двухместный гидроплан, тяжело нагруженный бомбами, шел по курсу Одесса—Егорлык.

Вдали показались корабли. Механик Кисель начал готовиться к боевым действиям. Но подходить к кораблям прямо было рискованно,—самолет, нагруженный бомбами, летел на высоте четырехста метров, его легко могли сбить. Тогда Гаркави пошел на хитрость. Он вдруг резко повернул самолет в сторону, зашел белым с тыла и, подходя к кораблям, приветственно покачал крыльями. Как и рассчитывал Гаркави, белогвардейцы приняли его самолет за свой, высыпали на палубы, стали махать фуражками.

Гаркави опустился еще ниже, крикнул:

— Давай!

Нажим педали. Из-под крыла самолета упала бомба. У борта тральщика взорвался столб воды. Промях! Врангелевцы только теперь разгадали маневр советских летчиков. Но было уже поздно. Следующие снаряды рвались на палубах судов. Беспорядочный, панический огонь, который открыли с кораблей по самолету, не достигал цели. Некоторые корабли начали тонуть. Врангелевцам не удалось высадить десант.

За героическую отвагу, за бесстрашие и доблесть, проявленные в гражданской войне, Михаил Ильич Гаркави был награжден советским правительством орденом Красного знамени.

Враги советской власти были рассеяны. Наша страна залечивала раны, полученные за годы войны. Под руководством партии Ленина — Сталина восстанавливалась промышленность, транспорт, сельское хозяйство.

Гаркави вернулся в Казань. Он начал работать в «Добролете». Теперь он служил делу укрепления родной страны, делу мирного строительства коммунизма. Но в 1926 г. вынужден был оставить любимую профессию: ослабло зрение.

Пришлось овладевать другим делом. Еще в детстве Гаркави увлекала химия. Поэтому он избрал на первых порах профессию кожевника. Вместе с юношами и девушками он, уже много поживший человек, поступил в Кожевенный техникум. Это дало ему возможность работать мастером на меховой фабрике № 2. Но жадный до знаний, Гаркави не был удовлетворен тем, что дает он производству. Он видел, что многие технологические процессы не совершенны, а улучшить их он был не в силах — не хватало знаний.

Гаркави решил учиться дальше — поступил на вечернее отделение Химико-технологического института.

— Трудное время было, — вспоминает он. — Утром на фабрику, с фабрики — в институт. А придешь из института домой, за полночь сидишь над книгами. Трудное и хорошее время было!

Успешно закончив институт, Михаил Ильич стал инженером-химиком, начал работать в меховой промышленности. За два—три года Михаил Ильич и его товарищи в корне изменили многие процессы выделки мехов. За эти же годы Гаркави сделал проект большой сыреинной фабрики и руководил ее строительством.

Гаркави был застрельщиком нового, подхватывал и развивал инициативу стахановцев. Он сам дал больше 200 ценнейших рационализаторских предложений. Одно из них — комбинированный метод окраски мехов — принесло 1200 тысяч рублей экономии.

С той же страстностью, творческим жаром, он стал работать на заводе СК-4 им. С. М. Кирова. Все силы и знания он отдает своей родине, ее укреплению, ее дальнейшему расцвету. Дело партии Ленина — Сталина для него самое кровное, самое родное дело. В 1939 году он вступил в кандидаты партии. Открылась новая, еще более яркая страница в его жизни.

... Он входит в большой зал. Сюда вместе с ним пришли люди из разных концов страны Советов, люди разных возрастов и профессий. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР тов. Горкин читает Указ...

Гаркави слышит свою фамилию.

— Наградить медалью «За трудовое отличие»...

М. И. Калинин вручает награду, крепко жмет руку, желает дальнейших успехов. В этом рукопожатии Гаркави чувствует похвалу и одобрение партии.

Полный новых творческих замыслов, полный стремления работать еще лучше, возвратился Гаркави на завод.

И с новой энергией взялся за любимое дело.

В. Никольский.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр
Доктор наук. <i>Ст. Савосин</i>	5
Мастер педагогического труда. <i>М. Спиридонов</i>	12
Народный талант. <i>А. Кутуй</i>	22
Профессор Л. И. Захаров. <i>Н. Гусев</i>	26
Зоотехник с золотой медалью. <i>А. Шамоу</i> . Перевел с татарского <i>Ф. Семенов</i>	34
Директор-орденоносец. <i>Б. Орешников (Камский)</i>	41
Певец свободы и красоты. <i>А. Кутуй</i>	48
В поисках счастья. <i>А. Шамоу</i> . Перевод с татарского <i>М. Елизаровой</i>	54
Рядовой боец передовой науки. <i>В. Дьяконов</i>	61
Инженер человеческих душ. <i>Ст. Савосин</i>	68
Фазиля Валидова. <i>Н. Гусев</i>	75
Талантливый актер. <i>Н. Соколов</i>	80
Михаил Ильич Гаркави. <i>В. Никольский</i>	87

Ответ. ред. БУБЕННОВ М.

Техн. ред. М. ФАТКУЛЛИН.

2¹/₁₆ печ. лист. В печ. л. 86000 знаков. Сдано в произв. 16/VI 1940 г
Подписано к печ. 30/VIII 1940 г. ПФ 746. Наряд № 062. Тираж 10070
Стат. форм. бум. 84 x 108 см. в 1₃₂ л. л.

Татполиграф при НКМП Тат. АССР. Казань, ул. Мислав. 9. 1940 г.

ПОПРАВКА

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
62	Сверху 18	Темницкого	Зимницкого

ПОПРАВКА